

ТОПУЗЛУ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ
АНЦУПОВ ИВАН АНТОНОВИЧ

О Ч Е Р К И

ИСТОРИИ ГАГАУЗОВ В XIX ВЕКЕ

1993

Материал написан профессором, доктором исторических наук, автором многочисленных работ по отечественной истории ТОПУЗЛУ Г.Н. и кандидатом исторических наук АНДУПОВИЧ И.А., работы которого по истории Бессарабии получили широкое признание в советской и зарубежной историографии.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Уважаемый читатель!

Вашему вниманию представлен текст работы, который поможет ознакомиться с историей народа, вокруг которого в последние годы много различных спекулятивных рассуждений.

Вышло много публикаций, фактически направленных против гагаузского народа. При этом шельмуется народ, который тысячами нитей сотни лет был связан с живущими рядом народами взаимной дружбы и разделял вместе с ними и радости и беды.

Представленный материал написан на основе, прежде всего, архивных материалов, сосредоточенных как в Москве, Ленинграде, Одессе и других крупных культурных центрах страны, так и в местном республиканском архиве. Также использованы опубликованные работы. При этом учитывался ряд обстоятельств: во-первых, широкий интерес читателей к истории своего края и народов, населяющих его; во-вторых, до сих пор нет монографий, учебников, даже учебных пособий, дающих возможность широким читательским кругам изучать историю гагаузского народа; в-третьих, искажение на страницах периодической печати, средствах массовой информации, других изданиях, подлинной судьбы народа на протяжении столетий, в том числе его жизни в XIX веке.

Из обширного комплекса проблем мы останавливаемся пока на процессе обретения гагаузами (вместе с болгарскими и другими народами) второй родины в зоне Буджака, на сельскохозяйственном освоении необжитой степи, условиях выживания, трагических последствиях поражения России в Крымской войне (1853-1856 гг.) - вытеснении десятков тысяч крестьян в Приазовье, борьбе их за право жить по-человечески. Мы коснулись и других очень важных вопросов - о характере и результатах реформ 70-х годов, станов-

лении и развитии капиталистических отношений в гагаузском селе и городе — как существенной предпосылки формирования гагаузской нации.

Текст снабжен примечаниями, которые помогут читателям ознакомиться с конкретными событиями и историческими лицами.

Материал рассчитан на широкие читательские круги, на всех, кто интересуется историей гагаузов. Надеемся, что многие злободневные вопросы их многовековой судьбы будут освещены комплексно историками, этнографами, экономистами и другими специалистами в ближайшее время. Это жизненно необходимо.

Доктор
исторических наук,
профессор

Г.Топузлу.

БУДЖАК КАК ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЗОНА

Юг Бессарабии¹ представлял собой специфический район области в производственно-экономическом отношении, отличавшийся от ее центра и севера территориальной и естественно-географической совокупностью, сочетанием исторически сложившихся объективных условий хозяйственного развития, своей отраслевой структурой и социально-правовым положением категорий крестьянства.

Начало формирования различий между экономико-географическими районами края относится к периоду до 1812 г. и это необходимо учитывать при написании истории края.

Территориальное очертание его подвергалось изменениям несколько раз с 1812 по 1878 гг. По Бухарестскому миру 1812 г. граница на Дунае проходила по Килийскому рукаву. В 1817 г. она передвинута на Сулинский рукав по специальному договору с Турцией. Затем в 1829 г., (Адрианопольский мир)² в состав России отошла вся дельта Дуная. В 1856 г., согласно Парижскому трактату³ юго-западная часть Бессарабии была отторгнута, из которой после русско-турецкой войны 1877-1878 гг.,⁴ в 1878 г. возвращено лишь сухопутное пространство, и граница снова, как и в 1812 г., установилась по Килийскому рукаву Дуная.

В административном отношении в понятие "Бессарабия" входили Бессарабская область и Измаильское градоначальство (придунайский район) с 1833 г. За южной частью Бессарабии, или как она в официальных документах называлась "собственно Бессарабия", включавшей в себя Аккерманский уезд,⁵ названное градоначальство, большую часть Бендерского и Кагульского уездов, ограниченную с севера условно Верхним Троянским валом, в XIX в. закрепилось.

наименование "Буджака" - его площадь 1714100 десятин (1 десятина равнялась 1,1 га), что составляло 41% площади области. До начала XIX в. территориально Буджак имел несколько иное очертание.

Ландшафт, почвенно-климатические условия района типично степные. По размещению и структуре отраслей сельского хозяйства он претерпел эволюцию в течение первой половины XIX в. в связи с изменением конкретно-исторической обстановки.

Одной из отличительных черт Буджака являлось доминирующее значение крестьянского, а не помещичьего хозяйства в аграрном секторе и на рынке. Крестьянство юга испытывало менее стесненное положение сравнительно с основной категорией зависимого населения области - царанами и даже с аналогичными разрядами во внутренних и сопредельных с Бессарабией губерниях, что являлось важным социальным фактором в аграрной эволюции. При анализе условий перехода от одной общественно-экономической формации к другой не следует игнорировать особенностей окраин страны, где феодальный гнет, как правило, был слабее, чем в центре.

Обособление Буджака в качестве особого района Бессарабии в значительной мере определялось пограничным положением края. Бессарабия была форпостом России на юго-западе, играла роль ближайшего тыла на границе с Турцией и Австро-Венгрией. В мирное время здесь постоянно находился значительный контингент войск, размещенный, главным образом вблизи Дуная, не говоря уже о периодах военной обстановки, когда он возрастал в несколько раз.

Стратегическое значение края наложило заметный отпечаток на хозяйственные мероприятия правительства, административное устройство и на процесс заселения Буджака.

Уже в первые годы после присоединения Бессарабской области видные военачальники, служившие тогда в Бессарабии, высказывались за превращение ее в особый военный округ. Сохранившиеся в делах Центрального военно-исторического архива СССР специальные докладные записки генералов И.С.Тучкова,⁶ командующего крепостями Бессарабии и будущего основателя г.Измаила (его "Записки о Бессарабии"), Козачковского,⁷ командира 16 дивизии, дислоцированной в Бессарабии ("Взгляд на Бессарабию"), бессарабского губернатора Гартинга (докладные записки об изменениях в административном устройстве края) сходились в мнениях о необходимости подчинения хозяйственной жизни края и его административных учреждений военным интересам.

Эта точка зрения нашла отражение и в печати. Известный публицист А.Мартос⁸ писал в статье "Некоторые сведения о Бессарабии": "Военное правление, общее с властью гражданской, наиболее здесь приличествует", ввиду пограничного положения области. Известный писатель и генерал Михайловский-Данилевский⁹ в книге "Описание Турецкой войны с 1806 до 1812 года", характеризуя исторические последствия присоединения края, особо подчеркивал его стратегическое положение и высказывался за разработку природных ресурсов и развитие экономики в военных интересах.

Царское правительство не решилось превратить край в военный округ, даже освободило население от рекрутской повинности, но в его политике военные мотивы прослеживаются по ряду мероприя-

тий. В Бухаре созданы в 20-30-х гг. 10 военно-хозяйственных поселений — Дунайское казацье войско. Но это лишь штрих в социально-экономической политике правительства. Главную роль в хозяйственном освоении Бухары играли не эти воинизированные поселения, а широкие массы крестьян другой разрядности — колонисты, государственные крестьяне, десятичники, мелкие собственники земельных угодий.

В исследовании аграрной эволюции необходимо учитывать специфику природных условий, их влияние на общий ход развития сельскохозяйственного производства, его специализацию.

Сельское хозяйство — это сложная отрасль материального производства. Особенностью его является большая рассредоточенность по территории и сильная зависимость от природных условий, географической среды.

В зависимости от природных условий люди по-разному производят материальные блага, несмотря на общность социально-экономического строя. Это обязывает исследователей возможно более полно учитывать местные физико-географические факторы.

При всей органической целостности, единстве географических условий Басарабии, в которых происходило развитие социально-экономических процессов они распадалась на зоны.

Отличие эта заключалось в следующем: открытая, ровная и безлесная поверхность, недостаток атмосферной влажности и сточных вод, значительная неравномерность в распределении тепла по временам года, резкие колебания температуры в течение дня, близость моря и наличие больших заболоченных площадей (плавней)

в приречных полосах и преобладание песчано-глинистого почвенного покрова с малым плодородием. Буджак находился в одной природной зоне с южными окраинами Херсонской и Екатеринославской¹⁰ губерний.

Исследуемая территория в географическом отношении ограничивалась на востоке, юге и западе реками Днестром и Дунаем и Черным морем. На севере естественно-географический рубеж представлял собой ряд отрогов Мегаурского горного кряжа. По рельефу район представляет широкую волнистую равнину, понижающуюся к югу и изрезанную небольшими мелководными речками и глубокими балками, т.е. в целом Буджак входил в одну ландшафтную зону.

По почвенным разновидностям и растительному покрову здесь не было однообразия. Исследуя природные особенности края, выдающийся ученый почвовед В.В.Докучаев, естествоиспытатель А. Гроссул-Толстой и земский агроном Н.Зеленецкий определили несколько микрополос в Буджаке. Особые полосы находились на побережье и в дельтах Днестра и Дуная. Большая же часть степной равнины, ограниченная долинами этих рек и отрогами гор на севере, разделена ими на две полосы по широтной зональности: приморскую (шириной от 20 до 60 верст) и к северу от нее переходную полосу от кодр к степи. Соответственно и дикий растительный покров подразделялся на лесной, озерно-речной и степной. Почвы в приморье солонцевато-глинистые, в долинах рек и на балках - черноземы, на остальной территории - каштановые и бурые.

Так называемая Буджакская степь имела протяженность 200 верст в длину и около 150 верст в ширину.

Буджак обладал местами контрастностью природных условий,

которые проявлялись прежде всего в количестве и неравномерном распределении атмосферных осадков. В предустьевых участках Днестровской и дунайской пойм сохранялось достаточно устойчивое увлажнение, а в периоды разливов рек — переувлажнение, т.е. побережья этих рек отличались своим микроклиматом.

По сумме осадков из времен года выделялись зимы. В весенне-летний период осадки неравномерно распределялись по месяцам. На май-июнь приходится пора ливней, в июле-августе выпадало наименьшее их количество, а иногда и совсем не бывало, что естественно сопровождалось недородами и засухами.

Меры по отводу талых и осадковых вод сводилась лишь к созданию водозадерживающей сети из мелких прудов. После скоротечного половодья и прекращения ливней условия полевого водоснабжения резко менялись. Речки и ручьи на юге имели незначительную водосборную площадь, грунтовые воды летом находились на большой глубине, так что на значительной части Буджака источники малопродуктивны и не обеспечивали достаточного увлажнения.

В приморской низменности было много больших открытых водоемов в виде лиманов и озер, но они заполнялись сильно минерализованной водой (частью морской), к тому же сточные воды сильно загрязнялись. Все это затрудняло использование их для питьевых целей. Многие селения фактически лишались доброкачественных водоемов. В силу этого водоснабжение селений и сельскохозяйственных угодий регулировалось в летние месяцы с большим трудом.

В целом, Буджак являлся районом сравнительно слабо обеспеченным осадковыми и другими источниками природного водоснабжения.

Тепловой режим края отличался большой неустойчивостью, температурными перепадами. Каждый год не был похож на предыдущий, с чем надо было постоянно считаться в сельскохозяйственном производстве. Нередко чрезвычайные условия года — засухи, поздневесенние и раннеосенние заморозки, преждевременное иссушение полей и т.п. сводили к нулю трудовые усилия земледельца за целый сельскохозяйственный сезон.

Зимы в Буджаке характеризовались чрезвычайным непостоянством: были либо малоснежными, когда высота устойчивого покрова достигала нескольких сантиметров, либо иногда практически совсем бесснежными. Зимой довольно много безморозных дней с пасмурной погодой. Случались зимы и довольно лютые.

Говоря об этом времени года, надо иметь в виду, что календарная и хозяйственная зимы на юге не совпадали. Хозяйственная зима, охватывающая время от появления прочного снежного покрова до полного таяния его весной, была короче календарной.

Весна в Буджаке, как и в других степных окраинах юга России, кратковременна, скоротечна; интенсивное тепло наступало быстро, сопровождаемое иссушающими землю ветрами.

Летне-осенний период (до ноября месяца) здесь отличался обилием тепла и солнца и неустойчивостью в выпадении атмосферных осадков, что требовало от земледельца большой трудовой напряженности в периоды весеннего цикла работ и уборки урожая, подверженного угрозе стихийных бедствий.

Край был практически почти безлесным, за исключением небольших ленточных бороз, род в Бендерском уезде и маленьких селитровых редколесья, насажденного в некоторых колониях "задунай-

ских переселенцев". II

Безлесье отрицательно влияло на водные ресурсы, почву и климат. Вторгавшиеся по степному коридору с востока пыльные бури беспрепятственно поражали поля. Иногда зимой продолжительные метели и снежные заносы приводили к гибели беззащитного скота.

Угнетающе сказывалось влияние вредоносных ветров на почвенный покров: они сносили и разрушали его верхний слой. В летние месяцы продолжительные засухи северо-восточного направления, чередуясь со знойным затишьем, являлись главной причиной "запада" хлебов, т.е. иссушения их на корню, особенно в период цветения и налива зерна. Получение полноценного урожая находилось часто во власти стихии.

Такова географическая среда края, таковы распределение его почвенно-климатических полос, территориальные различия, специфика времен года и другие природные факторы, в которых протекала повседневная трудовая жизнь крестьян.

В целом Буджак, располагавший богатыми сельскохозяйственными ресурсами, отличался сложностью природных условий, противостоять которым, обживать территорию, вводить в хозяйственный оборот землю, водные и другие природные богатства приходилось первопоселенцам.

Юг Бессарабии омывался Черным морем, его рубежами на западе и востоке являлись полноводные Дунай и Днестр с их лиманами и дельтами. Это определяло его климат и выгодно выделяло из других зон Бессарабской области (Центральной и Северной) рядом неоспоримых экономико-географических преимуществ - в частности, близостью к Одессе, дунайским портам и Аккерману.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бессарабия, историческая область между реками Днестр и Прут (ныне основная часть территории Молдавии и южная часть Одесской области Украины). В X-XI веках была в составе Киевской Руси, затем в Галицко-Волынском княжестве. С XIV века в Молдавском княжестве, с XVI века под властью Турции. С 1812 года в Российской империи. В 1918-1940 гг. незаконно оккупирована боярской Румынией.

В XVII-XVIII вв. "Бессарабией" (или "Старой Бессарабией") называлась полоса степей в Причерноморье - от Буга до Дуная. Впоследствии это наименование стало распространяться только на территорию от Днестра до Дуная. В терминологии равнозначными были и "Буджак" и "Бессарабия, собственно так называемая". Но с 1812 года, с присоединением междуречья Прута, Дуная и Днестра, его стали называть Бессарабской областью (а с 1874 г. - Бессарабской губернией). Это была административно-территориальная единица в системе Российской империи. Из области - Бендерский, Аккерманский, Измаильский уезды - по-прежнему в официальной переписке и в народе сохранил историческое наименование "Буджак".

Происхождение термина "Бессарабия" до сих пор не выяснено. Часть авторов в дореволюционной историографии связывает его с обитанием в Причерноморской степной зоне племен "бессов", а в румынской литературе бездоказательно привязывают этот термин к Басарабы - династии господарей в княжестве Валахия в XIV-XVII веках (с перерывами).

2. Адрианопольский мир был заключен 14 сентября 1829 года, завершил русско-турецкую войну 1828-1829 гг. К России отошли устье Дуная с островами и ряд крепостей на восточном берегу Чер-

ного моря. Турция признала автономию Молдавии, Валахии, Сербии и Греции, присоединение к России Грузии, Имеретии, Мингрелии.

3. Парижский трактат был заключен 18 марта 1856 года между Российской, Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией. Завершил Крымскую войну 1853-1856 гг. По этому трактату Россия уступала Молдавскому княжеству устье Дуная и часть Южной Бессарабии, возвращала Турции Карс. Черное море объявлялось нейтральным, Россия и Турция не могли держать там военный флот. Подтверждалась автономия Сербии и Дунайских княжеств.

4. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. была завершена подписанием Сан-Стефанского мира (нале Бухарьей, близ Стамбула - Турция) 3 марта 1878 года. По нему Болгария, Босния и Герцеговина получали автономию, Сербия, Черногория и Румыния - независимость. К России отходили Южная Бессарабия и крепости Ардаган, Карс, Батум и Галазет. Однако условия Сан-Стефанского мира были пересмотрены на Берлинском конгрессе 1878 года, созванном по инициативе Великобритании и Австро-Венгрии, выступавших против усиления позиций России на Балканах. Согласно подписанного 13 июля 1878 года Берлинского трактата была подтверждена независимость Черногории, Сербии и Румынии. Северная Болгария стала автономным государством, Южная Болгария (восточная Румыния) осталась под властью турецкого султана, получив административную автономию. К России отошли устье Дуная, крепости Карс, Ардаган, Батум с округами, Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину.

5. Аккерман - ныне город Белгород-Днестровский Одесской области Украинской ССР.

6. Генерал-майор М.С.Тучков - личность незаурядная. До того,

как оказаться в Бессарабии в качестве главного военачальника ее крепостей, служил в Польше, проявил себя героически в Отечественной войне 1812 г. Он является прототипом князя Болконского "Войны и мира" Л.Н.Толстого. В Бессарабии проявил себя деятельным и рассудительным человеком. Он основал г.Измаил, построенный вблизи одноименной крепости. Затем, с возникновением Измаильского градоначальства (а него входили города Измаил, Рени, Киляя, посад Вилков и близлежащие селения), являлся его градоначальником до 1834 г. Но в том году, будучи оклеветан, смещен с этого поста и выехал из Бессарабии.

7. Генерал-лейтенант Козачковский принял под свое командование от декабриста Орлова 16-ю пехотную дивизию. В 20-е годы XIX в. представил вышестоящему начальству "записку о положении Бессарабской области и о своей деятельности по искоренению в 16-й дивизии революционно-освободительных настроений в среде офицерства и нижних чинов".

8. Мартос А. Некоторые сведения о Бессарабии - Северный архив, 1828 г. ч.34, с.276-283.

9. Милейковский-Данилевский Александр Иванович (1790-1848), русский военный историк, впоследствии генерал-лейтенант, член Российской АН (1841). В Отечественную войну 1812 г. адъютант М.И. Кутузова. Работы по истории войн России с Францией, Турцией и Швецией в начале XIX века. В 1818 г., будучи флигель-адъютантом царя Александра I приезжал вместе с ним в Кишинев. Как известно, царь здесь одобрил текст "Устава образования Бессарабской области". Данилевский впоследствии опубликовал свои впечатления о Бессарабии в виде статьи. Ее материалы, в известной мере, являются историческим источником, так как в них зафиксированы важные сведения о социально-экономическом состоянии

вновь приобретенного края к концу 2-го десятилетия XIX в.

Ю. Екатеринослав, ныне город Днепропетровск.

II. В официальной переписке беженцы именовались "задунайскими переселенцами". Это собирательная категория крестьян. По этническому составу тогда власти не подразделяли выходцев из-за Дуная. А он был сложный – в него входили болгары, гагаузы, греки, албанцы, молдоване и валахи, сербы, украинцы, русские и др. Безусловно, основную часть составляли болгары и гагаузы.

С 30-х гг., наряду с термином "задунайские переселенцы" стал бытовать другой – "болгарское водворение". Это этническое смещение надо понимать не как этническую однородность, а как регион изначального пребывания (Болгария) беженцев, т.е. выходцев в основном с территории Болгарии.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И УСТРОЙСТВО КОЛОНИСТОВ

Основная масса гагаузов пришла в Будлак в конце XVIII в. и первых двух десятилетиях XIX в. По стечению исторических обстоятельств беженцы из турецких владений имели более благоприятные условия перемещения в годы войн, когда позиции Турции на Балканах ослабевали, а политика царского правительства и русского командования была благожелательной к этим страдающим народам. Так было в 1787-1791, 1806-1812, 1828-1829, 1853-1856 и 1877-1878 гг. Более планомерное, подготовленное гражданскими и военными властями переселенческое дело проявилось в периоды 1806-1812 и 1828-1829 гг.

Проблемами переселения жителей из-за Дуная занимался штаб Дунайской армии и ее командующий Багратион^I уже в 1809 г. Отмечалось тогда, что "все болгарские селения в Херсонской губернии находятся в самом цветущем состоянии". В связи с этим Багратион решил желающих переселиться в Россию "обывателей христианского вероисповедания" также направлять в Херсонскую губернию. Об этом осуществлялась переписка между херсонским военным губернатором Дюком де Ришелье и председательствующим в Диванах княжества Молдавии и Валахии сенатором Кушниковым. Ришелье выделил для организации переселения управляющего ("голову") болгарскими колониями Залу Несторова, "с нужным числом денег" для оказания помощи переселенцам в пути. Но беженцы просили последнего отложить выезд до весны 1810 г.

Командующий армии Н.М.Каменский, сменивший Багратиона, решил направить беженцев и в Херсонскую губернию и в Будлак. Председательствующим в Диванах тогда был уже сенатор Красно-Милашевич, который содействовал З.Несторову в переселенческих делах.

Подключены к этому были еще чиновник конторы опекунов иностранных поселенцев Контениус, инспектор Дубоссарского карантина Карпов и староста колонии Парканы Кара Вильнова. На деле все оказалось сложнее, чем казалось этим доверенным лицам. Беженцы из-за Дуная, сосредоточившиеся на его левом берегу, отказались следовать немедленно в Новороссийский край и Буджак, надеясь на скорую победу России в войне с Турцией, когда их судьба изменится к лучшему и они смогут вернуться на прежние места "в свои жилища".²

Вступивший в командование армией М.И.Кутузов также подключился к переселенческой проблеме. Как достаточно осторожный политик, он пошел на уступки переселенцам. Так как они изъявили желание переселиться не в отдаленные места, а в Буджак и с определенными льготами, Кутузов и объявил в 1811 г. известные в исторической литературе предварительные условия устройства беженцев в Буджаке. Для конкретных дел по устройству их в Будаке был создан специальный комитет из трех человек (полечитель и два члена "из болгарских аграриев"). Предполагалось, если переселенцы пожелают в будущем перейти в Херсонскую губернию, то осуществить эту операцию по окончании войны.³ Но, как известно, в 1812 г., примерно через месяц после Бухарестского мира, армия Наполеона вторглась в Россию и война продолжалась до 1814 г., херсонский вариант отпал. Да, и сами выходцы предпочли Буджак, находившийся рядом с Балканами.

Первоначально предполагалось вывести из-за Дуная до I тыс., а затем еще 2 тыс. семей, для чего приняты меры по строительству домов и выдачи ссуд из "колонистского капитала" (300 тыс. руб.). Александр I, в принципе одобрил эти шаги, о чем было сообщено М.И.Кутузову. Причем подчеркивалась добровольность в этом деле

со стороны "вадунайских переселенцев".

Переговорами на местах расселения и руководством делами переселения занимался Карпов, который регулярно сообщал о своих "ревностных стараниях" в этом направлении и выяснял позицию жителей Болгарии. Оказалось, что и теперь в подавляющей своей массе они были уверены в победе России, весь край будет очищен от турецких войск и властей, а они станут полноправными хозяевами своей судьбы. И поскольку еще шла война и русские войска успешно действовали, они решили ждать осуществления своих надежд. Придет время и доведенные до предела терпения, жестоко преследуемые, беженцы станут массами переходить Дунай, чтобы укрыться под защиту России. Но это произошло тогда, когда были санкционированы царским правительством все начинания М.И.Кутузова.⁴

Стали реализовываться его предварительные условия: 3-летняя льгота "от всяких земских податей и повинностей" на время водворения на новых местах, которые они выберут сами; там же им будут отведены "свободные земли", и даны права колонистов ("составят собой особое общество поселенцев"), со специфической административно-управленческой системой, обособленной от земских исправничеств.

Тогда всплыл вопрос историко-хронологического характера: об отношении молдавских правящих кругов к Буджаку. Выяснилось, что господа Молдавского княжества "вообще иноземцев в число коренных жителей никогда не причисляли. Не только сих, но даже выходцев с Буджакской земли почитали иноземцами, ибо край сей, имевший особенные свои границы, под управлением их никогда не состоял и назывался заграничным краем".⁵

Уже в первые годы по включении Бессарабии в пределы Рос-

сии "задунайских переселенцев" в официальной переписке подразделяли на "старых" и "новых". К "старым" относились те из них, которые "водворились в черте Буджакской земли" до 1806 г. - они жили частью "совокупно с татарами и коренными жителями" в придунайской зоне", а частью поселились "в ближайших к буджакской границе помещичьих селениях". К ним присоединили и выходцев из-за Дуная периода войны 1806-1812 гг., не определяя точно какие места в Бессарабии будут отведены им под окончательное водворение. Устойчивость, стабильность их жития были нарушены фронтовой обстановкой в Буджаке ("так называемой Бессарабии"), вследствие чего "многие из обитавших близ крепостей "старые" болгары и коренные жители Буджака христианского вероисповедания при открытии военных действий удалились в Подунавье⁶ и в ближайшие к нему помещичьи селения". Некоторые из них по волеи русскими войсками крепостей, вернулись на старые места, а другие не перемещались туда до окончания войны. Жизнь последних осложнилась тем, что часть буджакской земли была занята помещиками, которые уюмкли давление на "задунайских переселенцев", притесняли их "на основании своих обычаев". В ответ и "старые" и "новые" переселенцы и коренные жители стали удаляться "внутрь Буджака на казенные земли" или уходили внутрь Бессарабской области и на левобережное Поднастровье.⁷

Что предпринимали в этой ситуации местные, бессарабские высокоставленные официальные лица. Политическая тактика их половинчатая. В 1815 г. областное правление определило время, с которого надо вести отсчет соседности поселян - это 1 января 1813 г. Таким решением, по существу, крестьяне, оказавшиеся на начало 1813 г. в помещичьих имениях, закрепились в них. С другой стороны, "задунайским переселенцам" из-за Дуная во время войны

1806-1812 гг. и проживавшим в Буджаке к 1813 г., по 7-й статье Бухарестского мира, было дано право "возвратиться пока за Дунай". Но все 2500 семей остались здесь.⁸ Часть из них временно осела на казенных землях, другие остановились в боярских вотчинах, не подозревая о том, что оказались в сложных социальных условиях - землевладельцы последовательно и настойчиво стремились превратить их в царан. Одновременно крестьяне подвергались пагубному воздействию уездной администрации, унаследовавшей от турецко-фанариотского режима произвол, злоупотребления, мадонимство.⁹ В ответ развернулась продолжительная и упорная борьба за свободу и переселение на казенные земли. В Буджаке тогда почти вся земля, "кроме нескольких вотчин, прежними владельцами отыскиваемых", как докладывал царю бессарабский гражданский губернатор С.Стурдза в мае 1813 г., "принадлежит по праву войны казне".¹⁰

Среди переселенцев первых десятилетий XIX в. было много гагаузов. По исследованиям известного советского болгариста С.Б. Бернштейна, в те годы из северо-восточной Болгарии ушла большая часть местного гагаузовского населения. В последующих массовых выходах из-за Дуная (30 и 50-е гг.) гагаузов было сравнительно мало. Именно они оказались преимущественно на боярских землях и более других беженцев терпели угнетение от вотчинников, активно сопротивлялись гнету, добиваясь поселения в "казенном" Буджаке.¹¹ В острый социальный конфликт противоборствующих сторон вмешалась царская администрация, ответственная за заселение юга Бессарабской области. Судьба переселенцев привлекла внимание и центральных властей.¹² Неопределенное положение переселенцев в Буджаке продолжалось до 1816 г., хотя по указам 26 ноября 1801 г., 5 января 1802 г. и 31 июля

1807 г. выходцам из-за границы в Россию предоставлялось право "по их желанию селиться на свободных казенных землях".¹³

Непосредственное устройство всех беженцев-крестьян на казенном фонде Буджака должно было быть осуществлено под контролем полномочного наместника Бессарабской области - согласно специальной инструкции царского правительства от 21 мая 1816 г. В общих чертах в ней определилось обеспечение земельными угодиями и социально-правовое устройство поселенцев как колонистов, которые затем в "Уставе образования Бессарабской области" 1818 г. и Положения 1819 г. были конкретизированы и юридически закреплены.¹⁴

Процесс заселения "задунайскими переселенцами" казенных земель шел довольно интенсивно. Судя по сведениям колонистской администрации, в 1816 г. гагаузские селения были уже довольно многочисленными. Тогда числился в Табаке - 710, Кубее - 652, Саталык-Хаджи - 212, Этулии - 333, Чипмикиой - 661, Вулканештах - 819, Курчи - 447, Балбоке - 493, Казаяклии - 496, Томае - 477, Чадыр-Лунге - 779, Бешалме - 404, Конгазе - 289, Бешгиозе - 232, Чок-Майдане - 119, Копрате - 506, Джолтае - 122, Дезгинже - 636, Кириет-Лунге - 400, Татаркопчаке - 523 человека.¹⁵

Реальное их положение улучшилось лишь с 1818 г., когда указом от 22 марта было утверждено положение о попечительстве над колонистами, обособленное от подчинения местным властям. Во главе его поставлен генерал И.Н.Игнатов (первоначальное местопребывание в г.Екатеринославе, затем - в Кишиневе).

В мае 1818 г. при посещении Александром I г.Кишинева, Игнатов представил ему подробный письменный доклад о положении "болгарского" населения в России. Тогда же при личном приеме представители бессарабских колонистов вручили ему письменное прошение.

Итогом был указ Сената от 29 декабря 1819 г. о правах "задунайских переселенцев" как иностранных колонистов.

20-е гг. - время собирания распыленных по Бессарабской области и левобережному Поднестровью "задунайских переселенцев" на казенных землях (в Буджаке). В 1821 г. их было 32 тыс. человек. Но собирание оказалось тяжелым. Из тревожных донесений гражданских и военных инстанций той поры можно судить о масштабах этой тяжести. Это: "сперва засуха и неурожай, потом семь лет сразу гнездилась здесь всеопустошающая саранча, за сим переход армии за границу (война 1828-1829 гг.), чрезвычайные требования повинности, перевозка туда военных тяжестей и продовольственных припасов и, наконец, падеж скота и смертоносная язва на лошадях"; "изнурение края", от этого было "особенно ощутительно в южной части Бессарабии".¹⁶ Среди задунайских переселенцев, осевших в городах Бессарабии до 1819 г. кроме купцов и ремесленников, было много крестьян. В новые села на казенной земле началось их переселение в 1820 г.

С 1819 г. начался важнейший период в нелегкой судьбе "задунайских переселенцев". До 70-х гг. они пользовались правами колонистов, т.е. особой категории крестьян, что обусловило их быстрое развитие по пути прогресса в экономической, социальной и духовной сферах. По уровню благосостояния и втянутости в товарно-денежные отношения "задунайские переселенцы" значительно опережали государственных крестьян, казаков и тем более царен.

Так называемое "болгарское водворение" не было этнической замкнутости. Большинство жителей этого "водворения" составляли болгары и гагаузы, которые приняли в свою социальную среду молдаван, албанцев, греков, украинцев, русских, сербов, цыган. Здесь не сложилось социально-правового обособления, составных элемен-

тов разнородного населения. Их объединила общая историческая судьба — все прошли через иноземный гнет. Эта параллельность гнетущего прошлого сплачивала их, вырабатывала отзывчивость, взаимопонимание и взаимопомощь при общих бедах, но не мешала и не исклещала этническое своеобразие каждого народа. Наиболее близкими по пережитому, бесправному прошлому были болгары и гагаузы, но и у них сохранились свои этнические корни и особенности, проявлявшиеся во внутрисобственных связях, бытовом и семейном укладах, языке, приемах хозяйствования, обычаях, традициях местного самоуправления и пр.¹⁷

В результате большого их притока в 1808-1819 гг. возникло 55 селений колоний, а в конце 20-х — начале 30-х гг. в 23 новых селениях окончательно осели еще 25 тыс. человек. Из числа 32 колоний 6 находились при реке Прут, 15 — при озерах Кагуле, Ялпуге, Катлабуге, Китае, Кундуке и 62 — по речизам и балкам Кагульского и Аккерманского уездов. В период Крымской войны наблюдалось сравнительно большое количество болгарских беженцев. Численность "задунайских переселенцев" в 1819 г. составляла 24 тыс. человек. До середины 30-х годов она возрастала, главным образом, за счет притока извне и с помещичьих земель внутри Бессарабии, к январю 1837 г. достигла 57164 человек. В последующие два десятилетия главную роль в этом процессе играл естественный прирост, и в 1856 г. переселенцев насчитывалось уже около 99 тыс. человек. Затем последовало сокращение в два раза из-за отторжения юго-западной части Бессарабии — до 49440 человек в 1858 г. К началу 70-х годов в оставшихся 45 селениях значилось 67,2 тыс. "задунайских переселенцев".

Подавляющее большинство составляли болгары и гагаузы. Молдаване и украинцы были включены в состав колонистов в селениях

со смешанным населением, сложившимся до 1820 г. Греки пришли вместе с болгарами и гагаузами, а небольшая группа цыган-ремесленников получила колонистские права в течение 20-40-х годов по специальным решениям местных властей. В среде "задунайских переселенцев" находилась небольшая группа албанцев. В 1809-1810 гг. они в числе 300 семей пришли в Буджак из-под Варны и первоначально поселились в селе Чумай (по р. Ялпуг), а в 1820 г. ушли на берег озера Ялпуг и основали колонию Каракурт.

В колониях расселилось некоторое количество сербов. Статистические сведения о них нечеткие, так как при подсчете их часто объединяли с албанцами. Первоначально они оказались (около 150 семей) в Бессарабии в 1813 г. как полонтеры, участвовавшие с русскими войсками в недавней войне с Турцией, или как беженцы. В 1815 г. проектировалось основать отдельную сербскую колонию из 100 дворов. Но сербы добивались особых прав и привилегий, отличных от колонистских. Переписка об основании колонии затягивалась. Наконец в 1828 г. некоторые были присоединены к правам колонистов в округа "задунайских переселенцев". Остальные - около 200 семей покинули область.

В начале 20-х гг. в среде колонистов болгары и гагаузы составляли 63%, а молдаване, украинцы, русские, греки, албанцы, сербы - 37%. С притоком нескольких тысяч семей из Болгарии в конце 20-х - начале 30-х гг. количество первых заметно возросло. Соотношение этнических групп 40-х - начала 50-х гг. представлено в таблице.

Этнический состав "задунайских переселенцев"

(душ обоого пола)¹⁸

Год	Болгары	Гагаузы	Молдаване	Украинцы	Албанцы и сербы	Греки	Цыгане	Всего
1842	56895		10211	1074	970	154	55	69360
1844	57720		10478	1092	970	154	56	70467
1850	43872	21553	12805	1440	1328	307	56	85461

Таким образом, в середине века болгары и гагаузы составляли 80-82%, а остальные – около 1/5 от общей численности колонистов.

По указу от 29 декабря 1819 г. "вадунайские переселенцы" получили права иностранных колонистов. Для них выделили большой земельный фонд в 585 тыс. десетин, представленные посемейные наделы в 50-60 десетин по тем временам являлись довольно крупными. В распоряжение колоний поступили некоторые рыбные промыслы на лиманах и озерах и камышовые плавни. Земли и различные уголья колонисты получали в потомственное пользование, т.е. не имели права распоряжаться ими как собственностью.

"Вадунайские переселенцы" наделялись рядом льгот, в частности, правом перехода из колонистов в другие категории населения, могли основывать промышленные предприятия, заниматься торговлей, вступать в купеческое сословие, устраивать в своих поселениях ярмарки и базары, выезжать за границу, приобретать земельные участки у частных владельцев и селиться на них; освобождались от воинских повинностей. Им предоставлялась свобода торговли виноградными винами и водкой в округах их расселения (с 1820 по 1863 гг. – до введения акцизной системы). От 3 до 10 лет переселенцы пользовались льготой по налогам.

Льготы и обязанности "вадунайских переселенцев" зафиксиро-

ции колониетских учреждений были изъяты судебно-следственные дела и введено в действие положение о земских учреждениях, это положение начало меняться.

Существовавшая там до 1872 г. административная система являлась составным элементом их сословного своеобразия. В то же время она служила орудием проведения политики царского правительства в среде колонистов, системой полицейского попечительства, охватившего всю их многосложную жизнь и быт.

Политика правительства в отношении административного устройства колоний была направлена на постепенное "присоединение их под общее управление государственных имуществ", на сближение колонистов "в правилах и порядке с государственными крестьянами". В силу этого надо было изменить Устав о колониях. Но реализовать этот проект министру государственных имуществ П. Д. Киселеву не удалось. В 50-х годах работа специальной комиссии, которая готовила законодательный акт по унификации названных учреждений, была прекращена. Лишь в ходе реформы 1871 г. в колониях Бессарабской области была упразднена специфическая структура учреждений.

Из числа колоний "задунайских переселенцев" выделились два центра - Болград и Комрат. Болград являлся главной колонией всего "Болгарского водворения".

Комрат - центральная колония Врхне-Буджаковского округа, населенного преимущественно гагаузами. Уже до Крымской войны он выделялся своим хозяйственным, торговым и культурным значением. В середине 50-х гг. из 757 семей его населения 572 занимались сельским хозяйством, 22 - торговлей и 114 - ремеслами. Население неуклонно росло: в 1827 г. - 1540, 1836 г. - 3200, 1852 г. - 4160, 1855 г. - 3535, 1864 г. - 4644, 1873 г. - 5000, 1892 г. -

6070 семей.

Его промышленность к началу 70-х годов была представлена 27 мелкими предприятиями, это - салотопенные, свечные, кожевенные мастерские, мельницы, красильни, кирпичные, черепичные и гончарные "заводы". В денежном выражении вся их ежегодная продукция оценивалась в 17 тыс.руб., сбыт ее осуществлялся в самом Комрате и селениях.

Там регулярно действовали еженедельные торги с привозом товаров на 50 тыс.руб. серебром. Ассортимент товаров разнообразный, но преимущественно продавали хлеб, живой скот, кожи, сало, масло, фрукты, вино, ремесленные "колонистские изделия". Помимо крестьян туда приезжали торговцы из городов и местечек Бессарабской области, из-за Днестра и из Одессы.

Конечно, главными занятиями колонистов были земледелие и животноводство. Комрату была отведена обширная земельная дача - 20340 десятин.

Как центральная и торговая колония, Комрат нуждался в денежных капиталах. Уже в начале 60-х гг. его предпринимательская прослойка возбудила ходатайство об открытии земельного банка с первоначальным капиталом в 300 тыс.руб. серебром.

Комрат становится видным центром школьного дела. С конца 20-х годов работало начальное училище (обучалось, примерно, 40 мальчиков), а в 60-е годы возник вопрос об открытии среднего учебного заведения, который потом был реализован. И что еще важно отметить, в нем функционировала учебная группа девочек. Уже в XIX в. формировались предпосылки превращения его в город. Здесь формировалась гагаузская интеллигенция. "Торговая колония" Комрат уже в 60-е годы выделялась процентом грамотных людей. 19

С начала 20-х годов в колониях вводилась специфическая налоговая система: сбор налогов через откуп упразднился. Первое время колонисты пользовались льготами от платежей по следующей градации: переселенцам, пришедшим в Бессарабию до 1806 года – трехлетняя; беженцам, поселившимся там во время войны 1806-1812 гг. – семилетняя; прибывшим после присоединения края к России – восьмилетняя. По истечении льготного срока вводилась серия казенных, земских, общественных, мирских и других налогов. Государству платили оброк и земские сборы. В конце 30-х годов оброк равнялся 77 коп. ассигнациями (22 коп. серебром) с I десятины наделной и 33,3 коп. ассигнациями (II коп. серебром) с сверхнаделной земли во всех колониях. Этой уравнительностью поземельного обложения "задунайские переселенцы" отличались от немецких колонистов. В 50-х-60-х годах оброк несколько повышен: 25,5 коп. с десятины наделной и II,9 коп серебром с сверхнаделной земли.

Государственную земскую повинность как отдельный налог до 1845 г. не платили – она включалась в поземельный оброк. С 1845 до 1850 гг. облагались по 27 коп. серебром с семьи на содержание земской полиции. К концу 60-х годов этот сбор увеличен до I руб. 10 1/2 коп. с души, т.е. в одинаковом размере с другими разрядами крестьян.

Земская губернская повинность, как и у других крестьян, введена лишь в середине 60-х годов и равнялась I коп. с десятины удобной земли надела. Чисто колонистскими налогами являлись сборы на содержание управленческого аппарата – по 33 коп. серебром и мирской сбор по 18 коп. серебром с ревизской души.

Казенные налоги к концу исследуемого периода составляли около 12 руб. серебром с семьи. Раскладка их производилась по

площади земли, занятой каждым семейством под посев и по количеству голов скота.

"Задунайские переселенцы" несли натуральные повинности: выполняли наряды по поставке подвод, по строительству и ремонту дорог, сопровождению арестантов и противопожарной охране. Вместе с тем, и им приходилось выполнять большие нагрузки в годы войн, при чрезвычайных обстоятельствах, стихийных бедствиях и т.п. Но так как у них было больше рабочего скота в расчете на крестьянский двор и они находились в лучшем социально-правовом положении, чем государственные крестьяне, то эти повинности являлись для них менее обременительными.

Так было до середины 50-х годов. С конца этого десятилетия налоги возрастали. В то же время наделы к началу 70-х годов сократились вдвое – в среднем по колониям Бессарабской области до 25 десятин на семью. В еще сложном положении оказались колонисты на территории Подунавья.²⁰

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Багратион Петр Иванович (1765–1812), князь, русский генерал от инфантерии. Участник Итальянских и Швейцарских походов А.В. Суворова, войн с Францией и Турцией (в 1809–1810 гг. командовал Молдавской армией). В Отечественную войну 1812 г. командовал 2-й армией, при Бородине возглавлял левое крыло, смертельно ранен в бою.

2. Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА), ф.379, оп.46, д.2417, л.61–65.

3. Там же, л.66–70.

4. Там же, л.77.

5. ЦГИА СССР, ф.343, оп.29, д.411, л.136.

6. "Подунавьем" называлась юго-западная часть Буджака.
7. ЦИА СССР, ф.383, оп.29, д.411, л.137.
8. Центральный государственный архив МССР (ЦГА), ф.2, оп.1, д.65, л.55.
9. Там же, л.56.
10. ЦИА СССР, ф.1263, оп.7, д.95, л.738-739.
11. Бернштейн С.В. Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII-XIX вв. // Советское славяноведение, 1980, №1, с.52, 53, 55.
12. Устройство "визунаиских переселенцев" в Бессарабии и деятельность А.П.Дуневского. Сборник документов. Кишинев, 1957.
13. ЦГА МССР, ф.6, оп.1, д.990, л.36.
14. ЦИА СССР, ф.1263, оп.7, 1816 г., д.95, л.746-747; ф.1308, оп.1, д.2, л.16; ф. Государственного совета. Департамент и законов, оп.15, 1810-1829 гг., д.3, л.266.
15. Попруженко М.Г. Из материалов по истории славянских колоний в России. Одесса, 1909, с.10-15.
16. ЦГА МССР, ф.88, оп.1, д.426, л.40; д.426, л.40; д.429, л.17; Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА), ф.МА, оп.182 а, св.24, д.74, л.5; Скальковский А.А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае, Одесса, 1848, с.34.
17. Скальковский А.А. Историческое введение в статистическое описание Бессарабской области. СПб., 1846, с.61-62.
18. ЦГА МССР, ф.2, оп.1, д.4126, л.10-15, 67-68; П.Кешпен. Хронологический указатель материалов для истории иностранцев Европейской России. СПб., 1861, с.62-63.
19. См. сведения о Комрате: ЦИА СССР, ф.1405, оп.71, д.1416, л.88; ф.383, оп.29, д.610, л.35-37; ЦГА МССР, ф.161, оп.1, д.6,

л.195; ф.24, оп.1, д.3; Корнилович А. Статистическое описание Буджака или Бессарабии собственно так называемой. Аккерман, 1893, с.434-436; Титоров И. Българите в Бессарабия. София, 1903, с.224; Бессарабские областные ведомости, 1870 (официальный орган Бессарабского губернского правления).

20. Иещерюк И.И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808-1856). Кишинев, 1971, гл.II и IV; Андрусов И.А. Аграрные отношения на юге Бессарабии (1812-1870 гг.). Кишинев, 1978, гл.I и IV.

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ. СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА.

На населяемых землях Буджака сложились иные аграрные отношения, чем в центральной и на большей части территории северной зоны Бессарабской области, где главными категориями крестьянства были царане (т.е. проживавшие на помещичьих и монастырских землях) и резеши.* На юге утвердилась система "государственного феодализма", когда аграрные отношения регулировались ведомствами Министерства государственных имуществ. Колонисты не раз сталкивались с попечителями-чиновниками, вторгавшимися в их производственный процесс, и даже общинно-сытовые взаимоотношения, в крестьянскую повседневность.

Но "государственный феодализм" нельзя отождествлять с крепостничеством. По феодальной зависимости колонисты стояли после крепостных крестьян (и дворовых), царан и государственных крестьян. Лишь казаки обладали некоторыми льготами, которых не было у колонистов.

Своеобразная природа Буджака диктовала переселенцам необходимость придерживаться соответствующего образа жизни и поведения. Они знали ее и вынуждены были сживаться с новыми условиями, чтобы получить от занятий сельским хозяйством желаемые практические результаты. В целом на их производственной деятельности чувствовалась печать рискованности, ненадежности (расчет на неожиданные успехи) и неустойчивости, особенно мелких хозяйств.

Расселение колонистов также было обусловлено спецификой их земельной обеспеченности (многоземельем), микро-топографией, наличием водных источников: не было скученности, основывались

* Резеши - крестьяне-общинники, жившие на собственных землях.

колонии крупные, окруженные малыми хуторами, тяготеющими к центральной усадьбе, характерно незначительное оснащение домов надворными постройками. Более благоприятные жилищные условия имели колонии в придунайской полосе.

Переселенцы столкнулись со сложностями при устройстве в степной полосе. Не хватало денег на приобретение рабочего скота, сельскохозяйственных орудий и транспортных средств, не было денег на покупку строительных материалов и возведение жилых помещений и подворья. Поэтому появлялись в лучшем случае глинобитные домики, а больше землянки, в которых из-за скученности трудно жить. К этому надо добавить бездорожье, глубокое впадение грунтовых вод, большой риск потери урожая от недостатка осадков, налетов саранчи, заморозков, а скота — от падежей.

Все это требовало от крестьянина упорного, изнурительного труда и в своем хозяйстве и на заработках, неизбежных при безденежьи. Полученные наделы долгое время не осиливались семьями по маломощности, хотя они были у колонистов многолюдными.

До 1919 г. "дунайские переселенцы" проживали в 6-ти уездах Бессарабской области, в том числе на казенных землях Буджака (в двух уездах). Часть временно осела в Левобережном Поднистровье.¹

В том же году "дунайские переселенцы" получили юридическое оформление своих прав. Вслед за тем они стали концентрироваться на отведенных им землях в Буджаке. Но этот процесс, мучительный и беспокойный, осложнился "грозами для них явлениями" природы четырехлетней засухой, падежом скота, нападением саранчи и другими стихиями природы. Дело дошло до крайнего предела — колонистам не хватало не только продовольственного, но и семенного зерна, так что многие обедневшие семьи в 1923 г. не

могли произвести весенний посев. К тому же из-за событий в Дунайских княжествах в 1821 г., вызвавших перемещение больших масс войск на территории Бессарабской области, добавились повинности по их обслуживанию.¹ Часть колонистов пыталась поправить положение заработками на стороне. Но это было не так-то просто. К тому же вербовщики рабочей силы стремились нажить за счет нанимающихся, пользуясь их безвыходным положением.² Трудились на чужой земле в качестве чебанов, пастухов, скотников, занимались стрижкой овец и промывкой шерсти, живя под небосводом.

Лишь к 1823 г. "дунайские переселенцы" начали приходить в весьма хорошее состояние". Но наступил очередной период русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Русские войска сосредотачивались главным образом в Измайльском и Кагульском округах и их содержание потребовало выполнения большого объема трудовых повинностей. Да и колонисты других округов несли большие наряды подвод по доставке топлива, содержанию в исправности плотин протяженностью в пять верст у переправы через Дунай, изготовке сена для войск и другие.

Особенно пострадали крестьяне селений Сатунова, Импуцита, Болбоки, Барты, Курчи, Табачков, Тараклии, Каракурта, Этулии, Карагача, Картала. Одновременно селения пострадали от эпидемии чумы в 1829 г.

Как заключил посланный туда из Петербурга ревизор Франк, для восстановления хозяйства нужны пятилетние льготы от налогов и повинностей и хорошие урожаи в течение 3-4 лет. Однако,

¹ Имеется ввиду движение греков (гетеристов) и местного населения за национальное освобождение от султанской Турции.

в 1831-1833 гг. юг области был снова поражен сильнейшей засухой.³

Засухи опустошали поля, огороды и пастбищно-сенокосные угодия: особенно в конце 50-начале 60 гг. в 1873, 1891-1899, 1902 гг. Во избежание тяжких последствий этих бед для народа, рядом законодательных актов царского правительства, суммированных в "Уставе о колониях" с конца 30-х гг. особенно для предотвращения голодовок (а угроза их реально существовала) предписывалось в каждом селении ежегодно заготавливать и обновлять запасы зерна на продовольствие по 2 четверти (приблизительно, 20 пудов) на душу и по 5 четвертей посевных семян на хозяйство. Последний резерв частью формировался путем ссыпки хлеба в общинные страховые склады ("магазины").⁴

Следует однако оговориться, что неурожаи и другие стихийные бедствия, хотя и сопровождались затяжными трудностями, замедляли хозяйственный прогресс, но все-таки не приостанавливали экономического развития колоний.

Надо иметь в виду, что устройство новой большой волны переселенцев конца 20-начала 30-х гг. было облегчено уже известной освоенностью Буджака, что сказалось на их отраслевой ориентации - стало более четко проявляться ведущее место земледелия во всем комплексе сельскохозяйственного производства. К середине XIX века налицо были довольно заметные сдвиги в экономике, накоплен опыт жизни в степи, распаханна значительная часть земельных угодий, возросла численность крестьян, тяглового скота и земледельческого инвентаря, приведена в хозяйственный порядок сеть дорог. На отведенной к 20-м годам колонистам земле, тогда существовало несколько десятков устоявшихся селений, и новые беженцы опирались на бескорыстную их помощь. Часть но-

переселенцев влиялась в существовавшие колонии, а остальные основали на безводных местах более 20 новых колоний — без тех ощутимых трудностей, которые выпали на первооткрывателей, устроившихся в Буджак в 1811–1820 гг. В силу этого с середины 30-х годов перед ними открылись широкие возможности широкого хозяйственного развития.

Приходившие в Буджак на поселение крестьяне были преимущественно пахарями и животноводами. Здесь они делали патриархально, по старинке то, чем занимались их отцы, деды, соседи. Затем эта неотъемлемая черта крестьян — непрерывная семейная преемственность — дополнялась накопленным опытом жизнедеятельности в степной полосе, что позволяло относительно быстро освоиться на новых местах жительства. Они хорошо знали отрасли животноводства (особенно овцеводства), полеводства, садоводства, виноградарства.

У гагаузов и болгар были совместные интересы, схожие традиции в обработке земли и занятиях животноводством; всему они учились тяжелым трудом и борьбой с невзгодами. С этими истинно балканскими традициями они пришли, ими пользовались и позже. Главным являлось умение вести хозяйство в трудных природных условиях сухой степи, знакомство с риском трудовой деятельности, неустойчивостью производственного процесса. Эти полезные эмпирические навыки и достижения позволяли крестьянам выстоять и освоиться в Буджаке. Помогали также нетребовательность к условиям быта и житейского обихода, умение терпеливо приспособиться и выносить невзгоды. И все это без сколько-нибудь существенных затрат со стороны казны.

Денежная правительственная помощь переселенцам, незначи-

тельная по размерам в виде ссуды с возвратом, была оказана один раз в 1821 г., в обстановке засухи: на четыре года было выдано 75 тысяч рублей на все 35 селений. Эти скромные средства были израсходованы на приобретение семенного зерна. В 1824 году наступил пора погашения ссуды и они попросили отсрочки из-за тяжелого положения — правительство пошло навстречу крестьянам.⁶

Однако нельзя полностью отождествлять и навыки, и традиции, и всю хозяйственную деятельность этих этносов — гагаузов и болгар. Этническая самобытность находила свое выражение во многих сторонах их жизни, устойчиво, из поколения в поколение, сохранялись особенности и в производственной деятельности (профессиональные интересы, самобытные приемы в трудовых операциях на полях, в животноводстве, в ремесле и др.).

В Буджаке крестьяне в большей степени, чем на территориях центральной и северной зон Бессарабской области, зависели от физической среды. Их занятия сельским хозяйством осуществлялись в условиях нестабильного климата (особенно незащищенности от восточных суховеев) и разработанного тяжелого почвенного покрова.

В Буджаке крестьяне в большей степени, чем на территориях центральной и северной зон, зависели от географической среды. Их занятия сельским хозяйством осуществлялись в условиях нестабильного климата, недостаточной увлажненности, жаркой погоды на протяжении многих месяцев, при неразработанном тяжелом почвенном покрове, незащищенности от суховеев с востока.

Слабая обводненность степных селений, большой солнечный прогрев воздуха и земли, сухая осень и малоснежные зимы — все это заставляло крестьян обращать пристальное внимание на накопление запасов влаги. Отсюда широко распространенная

практика создания системы запруд для водопоев, поливы и других хозяйственных потребностей. Опасность засух таилась весной, летом и осенью.

При часто случавшихся весенних и летних "запалах", губительных для злаков и деревьев, поля превращались в совершенно черную поверхность, на которой даже овцы не могли найти для себя достаточно корма.

На протяжении ряда десятилетий крестьяне отдавали предпочтение полукочевищному животноводству, которое не требовало больших затрат в производственном процессе и такого числа рабочих, как в отраслях земледелия. При этом скот с апреля по октябрь находится на вольном содержании.

Озимые хлеба не выдерживали продолжительных засух, морозов в бесснежные зимы и неблагоприятной весенней погоды. Поэтому в пашенном клину преобладала яровая пшеница арнаутка — "главный продукт южного хозяйства". Урожайность зерновых на юге, — вследствие погодной неустойчивости и патриархальности систем земледелия, характеризовалась крайней неравномерностью: от 0 до 100 пудов с десятины.

Выращивала крестьян кукуруза. Она давала удовлетворительные урожаи, так как из-за длительного вегетационного периода менее зависела от весенних дождей, более стойко переносила засухи, а в качестве пропашной культуры способствовала уничтожению засоренности участков и служила хорошим предшественником колосовых хлебов.

В целом южное полеводство при кажущейся простоте и легкости его ведения представляло собой дело трудное и сложное, особенно для мелких крестьянских хозяйств.⁶

До 40-х гг. животноводческие хозяйства предпочитали киш-

ловое (хуторское) содержание скота. Широко практиковалось сезонное разведение животных, поэтому к периоду зимнего стойлового и загонного содержания поголовье обычно сокращалось.

Конечно, выращивание и содержание племенных стад (тонкорунных и цыгайских овец, мясного рогатого скота, чистопородных лошадей и других) требовали стабильности кормового резерва, большого опыта, мастерства и специальных знаний. В этих фермах всегда проводилась заготовка сена, травосеяние. Самой распространенной посевной культурой был могар (бор) — давал при оптимальных погодных условиях по 165 пудов сухового сена с I десятины.⁷ Богатый урожай сена снимали также на естественных заливных лугах. Но это практиковалось немногими крестьянами. Большинство же придерживалось сочетания занятий животноводством и земледелием, а в середине XIX века наступил перелом в отраслевой структуре: животноводство стало уступать место отраслям земледелия и развивалось либо параллельно, либо в качестве незаменимого подспорья к полководству.

Если верное производство в целом было рискованным, то сухость и мягкость климата, много света и тепла, плодородные почвы (тяжелые суглинки) в исследуемой зоне позволяли выращивать виноград столовых и винных сортов, пажные плодовые культуры (абрикосы, персики, айву, черешню), бахчевые, ягодные кустарники, ранние сорта яблок. В колониях "задунайских переселенцев" под садово-виноградные плантации и огороды отводились участки вне усадеб — по берегам рек и лиманов.⁸

В этих доходных, интенсивных отраслях чаще, чем в других, использовался труд специалистов, отходников и батраков. Последние выполняли тяжелые ручные работы.

Как отмечал А. Скальковский, в 50-е гг. в Кагуло-Прутском

но оскатого срока всего 15 десятин. А это значит, что маломощные хозяйства неминуемо запаздывали с посевом и оказывались с более вероятным риском остаться без урожая.

Полностью комплектовать "плуг" в годы первоначального устройства могли лишь немногие хозяйства. Даже в начале 50-х годов по колониям значительный удельный вес составляли "супржане" дворы (то-есть на пахоте "спрягались"). А это значит, что по своему имущественному положению часть семей могла снарядить, выставить какую-то долю упряжки, другие дополняли ее, остальные поставляли плугарей, погонщиков волов и иную подсобную рабочую силу. И сама выпашка производилась по очередности с учетом поставленного количества впрягаемых животных и пахотных орудий (собственно плуга, берон, рал, катков). Последними обрабатывались деланки пеших.

По сведениям колонистских административных инстанций
на 1862 год численность в селениях дворохозяйств: 10

	имевших более 4-х волов	менее 4-х волов
в Комрате	195	297
Бешалме	57	112
Конгазе	130	69
Баурчи	40	147
Кызякли	115	91
Гайдры	36	66
Чадыр-Лунге	40	148
Кириет-Лунге	20	105
Бешгиозе	15	107
Томае	40	133
Джолтае	18	60
Андарме	30	81

Чок-Майдане	40	86
Дезгинке	34	189
Табаке	95	53
Татаркопчаке	112	66
Кубее	86	114
Курче	101	29
Балбоке	70	60
Чешникое	180	23
Вулянештах	510	487
Этули	50	33

Площади предоставленных колонистам угодий позволяли наделять их большими участками и резервом. По расположению относительно усадеб они подразделялись на ближние и дальние. Но это касалось тех земледельцев, которые имели тягловый скот и тяжелый пахотный инвентарь, они же в первое время практиковали захватно-трудовой способ распоряжения общинным клином. Хозяйственные возможности крестьян видны из следующих числовых показателей.

Статистические сведения о гагаузских колониях 1836 г. II

Колония	Число душ (обоих полов)	Угодной земли (дес)	Приходило-сь на 1 семью (дес)	Дома	Рогатый скот	Овцы	Сви-ньи	Сельскохозяй- ственные орудия		
								Плуги	Боро-ны	Теле-ги
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Авдарма	374	3700	23,5	264	700	5600	100	36	30	75
Баурчи	800	6420	43	243	854	5030	13	66	14	135
Бешалма	731	6960	52,5	235	899	4996	45	49	11	170
Башгноз	461	4800	56	352	762	7000	141	45	49	110
Балбока	662	5760	46	193	708	3779	10	40	11	160

	I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	II
Вулканешты	1652	11994	42		637	2106	10230	129	144	26	361
Гайдари	402	4440	62,5		132	325	3518	30	27	18	82
Джолтай	308	3060	53		151	525	5176	30	35	36	62
Дезгин-же	307	9120	56,5		237	1041	4478	123	66	56	185
Дмитриевка	649	5195	45		193	832	7497	27	75	75	115
Казак-лия	1026	8702	47,5		554	2229	10626	59	90	19	256
Кириет-Дунга	394	5100	60		230	717	3279	105	38	29	96
Комрат	3164	20100	34		1200	3233	32544	79	139	97	324
Конгаз	845	6540	52		415	1619	8552	28	96	90	288
Кубей	908	8280	53,5		666	1361	6839	70	96	27	185
Курчи	765	6050	48		150	538	2645	-	44	44	135
Саталык-Хаджи	490	5100	58		210	1010	2021	30	31	31	77
Табак	615	2369	25,5		63	402	2775	23	35	4	80
Татар-копчак	1054	7681	45		357	1193	6235	21	96	90	216
Томай	649	7290	60		345	758	3540	87	83	63	106
Чадыр-Дунга	897	7680	48		427	1326	9087	206	72	64	201
Чешми-киой	1088	8164	38,5		522	1060	8374	-	101	40	274
Чок-Майдан	455	6720	75,5		141	592	3431	80	38	13	78
Этулия	544	3810	45		120	734	5390	20	36	10	93

Колонии обладали большим трудовым потенциалом. К примеру, в середине 30-х годов из проживавших там 57440 крестьян, числилось работоспособных (от 14 до 60 лет) более половины — 30 ты-

сяч. Но обычно работали в поле и дома члены семьи и моложе 14 и старше 60 лет. Это позволяло им справляться с большими запашками и содержать огромное поголовье животных. А земли и животных было действительно много, как можно судить по приведенным данным за 1836 год. Отметим, что колонисты совсем недавно, 3-4 года тому назад, пережили тяжелое стихийное бедствие (трехлетнюю засуху) и сумели восстановить поголовье и обзавестись значительным числом сельскохозяйственных орудий.

Накануне Крымской войны в подробных статистических сведениях колонистских ведомств были зафиксированы большие сдвиги на пути аграрной эволюции отраслей сельского хозяйства в интересующих нас поселениях. Приведем выдержки из них и отметим, что общий наделный фонд у колоний оставался прежним со времен 20-30-х годов. Даем цифры по массивам удобных земель; неудобные тоже были в их пользовании, однако лишь частично использовались как выгоны и следовательно существенной роли в сельскохозяйственном производстве не играли. Сведения таблицы дают общее представление о том, что гагаузские селения тогда обладали в сельскохозяйственном производстве (по основным отраслям) стабильным материальным потенциалом и заметным достатком; период благоустройства и обживания степного юга был уже далеко позади. Этот потенциал служил реальной основой формирования капиталистического уклада в аграрном секторе. На его базе зарождалась и жизнеутверждалась буржуазная прослойка, менялся социально-экономический облик гагаузского села. Процесс этот был внутренне противоречивым: с одной стороны, крепла этническая самобытность, с другой - капиталистические отношения нивелировали ее. В таком поступательном, прогрессивном, но неоднозначном процессе колонии "за-

дунайских переселенцев" оказались в середине 50-х годов и в последующие два десятилетия под мощным воздействием самой Крымской войны и поражения России. По существу колонии втянулись в продолжительную хозяйственную и социальную депрессию, и лишь с конца 70-х годов, уже в совершенно иных исторических условиях стали обретать устойчивое значение в хозяйственной жизни юга.

Цифровые материалы, сгруппированные в таблице не дают достаточной определенности и всесторонности, но все же могут служить несомненным показателем прогресса в экономическом развитии колоний.

Представляют несомненный интерес данные о площадях леса. Как известно, собственно в степной полосе юга Бессарабской области природного леса не было. Лишь на окраине, в Верхне-Буджакском и Кагуло-Прутском округах, сохранился низкорослый древостой и кустарниковые заросли, а лесные дачки в других колониях — это дело рук крестьян. Лесонасаждения проводились и по линии правительственных распоряжений и как добровольные попытки сельских общин по обзаведению небольшими площадями искусственно разведенного леса для удовлетворения повседневных нужд в древесине и для создания полевых средств от эрозий, разрушения полей оврагами. В какой-то мере эти жизненно важные дела крестьян можно отнести и к лесохозяйственному освоению Буджака. Эти дела колонистов, как и регулирование водного режима, свидетельствуют о специфике их отношений с природой.

ж ж

ж

У колонистов и хозяйственная деятельность, и повседневный уклад жизни, и особенно поземельные отношения были обусловлены общинностью, которая сыграла неоценимую роль в их исторической

СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О СЕЛЬСКОМ

Селения	Число душ его пола	Число трудоспособных (от 16 до 60 лет)	Площадь удобных земель (десятин)					Сельскохозяйственные орудия		
			усадебной	пахотной	выгонов	сенокосов	леса	плуги	бороны	телеги
Авдарица	593	390	110	1560	1700	2270	51	64	64	95
Баурчи	1021	403	97	2287	1900	2068	68	76	58	130
Бемальма	928	513	84	2425	2279	2115	56	67	62	165
Бешгиоз	613	389	51	1011	1700	2014	24	41	40	110
Балюка	880	464	72	1262	2863	1500	63	140	39	275
Вулканешты	2284	1249	113	2171	4600	4905	745	184	61	524
Гайдар	579	400	42	983	1750	1631	34	44	45	102
Джолтай	398	280	79	866	1070	1016	29	37	40	82
Дезгинше	1286	839	159	1066	4666	3000	229	80	68	186
Дмитриевка	970	558	48	2272	2180	2104	57	107	116	509
Казаклия	1334	721	140	3205	2500	2775	80	138	100	320
Кирнет-Дунга	563	377	61	1617	1650	1729	43	47	40	109
Комрат	4160	2022	862	4571	7210	7207	250	263	245	850
Конгаз	1314	784	86	2693	1720	1975	62	158	146	300
Кусей	1369	925	87	2496	3121	2522	64	108	43	155
Курчи	1074	509	45	632	3049	2300	66	146	88	192
Саталык-Хаджи	643	452	80	1028	2352	1600	40	79	34	241
Табак	975	260	68	1045	1463	1374	50	36	35	94
Татаркопчак	1430	448	74	2680	2508	2343	75	99	92	191
Томал	970	598	131	2184	2400	2384	191	80	68	160
Чадир-Дунга	1208	660	83	2928	2450	2145	74	165	150	380
Чепкишхой	1510	350	88	1316	3541	3114	105	160	91	340
Чок-Майдан	703	495	68	1010	2800	2793	40	45	44	125
Этулы	774	458	49	1016	2000	703	42	94	35	196

ХОЗЯЙСТВЕ В ТАТАРСКИХ СЕЛЕНИЯХ 185

Поселенно-де- сятин	Озелен. хлебов	яро- вые хле- бов	Животноводство				Садоводство		Виноградарство	
			Рабочий скот	коро- вы	моло- ды скот	ов- цы	число двух- тоных садов	в них плодо- вых дерев	число виноград- ных	в них виноград- ных кустов
II9	721	200	300	260	192	6000	21	16400	43	16686
270	1274	200	590	575	200	5160	108	5900	109	22000
322	743	201	580	330	250	5000	65	8645	68	37700
167	619	170	440	300	200	3310	40	13000	40	48040
184	1126	278	606	345	491	6200	116	6100	120	55112
344	1814	320	830	540	891	12900	152	23200	195	112005
162	614	700	270	260	150	3120	13	4660	59	19370
110	322	101	300	260	100	5000	9	13920	9	26015
380	314	200	250	190	150	4000	89	20240	122	38560
нет сведен.		315		1416		10111	нет сведений			
170	1863	311	950	580	300	8580	126	9000	179	60118
91	372	190	250	175	192	3200	40	2430	80	34625
906	1464	1580	3040	1000	300	40100	190	62000	224	19490
213	2142	390	680	470	350	9972	102	15615	108	39150
225	1204	508	550	222	506	6040	81	24870	46	76980
52	588	237	710	118	110	7290	100	12000	122	85160
нет сведен.		317		1273		6312	нет сведений			
165	552	260	280	158	194	2015	82	9300	60	43840
171	2512	1282	890	515	540	16200	165	13230	65	46520
214	769	293	415	280	250	5800	70	14000	94	69455
193	1308	350	600	470	240	7100	80	16225	96	41110
160	1134	620	920	434	1176	12500	172	10110	125	103710
300	417	189	370	203	197	5900	32	9770	33	19580
88	1016	205	510	170	185	3360	92	6715	92	17180

судьбе как мощный фактор выживания. Они издавна привыкли к об-
щественным порядкам. Преследуемые и гонимые в условиях туземного
режима, живя под страхом смерти, а затем, оказавшись на опустев-
шей степи Буджака (с очень малыми жизненными ресурсами) в качест-
ве беженцев, они смогли перенести удары многих невзгод, не в по-
следнюю очередь, благодаря тесным узам колонистов, диктуемых тра-
дициями и суровой необходимостью.

В местах новых поселений по-прежнему функционировала свое-
образная обобщенная структура, в том числе подразделение жителей на
большие семьи, включавшие в себя родителей и малые семьи неотде-
лившихся детей; фактически в сельской общине группировалось мно-
жество семейных коллективов. В землепользовании здесь прслежи-
вается переплетение и сочетание юридического земельного права с
обычным. Однако, издавна, действовавшие большесемейный уклад и на-
турально-патриархальные условия жизни, старые устои в аграрных
отношениях, хотя и медленно, но деформировались. С годами возник-
ла проблема обеспечения наделами молодых семей, нуждавшихся и тре-
бовавших индивидуальных, подворных участков.

Общинное землепользование было зафиксировано в "Уставе о ко-
лониях иностранцев". Там говорилось: "Все отведенные под поселения
колонистов земли присвоены им в неоспоримое и вечное потомственное
пользование и владение, но не в личную кого-либо, а в общинную
каждой колонии собственность". Отдельные дворы не имели права про-
давать, уступать, закладывать или даже использовать по своему ус-
мотрению участки наделной земли. 13

До второй половины 20-х годов, то-есть до завершения разме-
жевания Буджака, наличие в полосе расселения выходцев из-за Ду-
ня свободных земель позволяло стихийно распределять пашни, паст-
бища и сенокосы между семьями на основе права захвата ("займищ"),

хотя и временно, поскольку эти угодия не закреплялись в частную собственность. Тут отчетливо проявлялась внутриобщинная противоречивость: таким хозяйствам необходимо было постоянство в распоряжении присвоенными участками, а основная масса общинников противилась этому стремлению.

В дальнейшем с ростом численности крестьянского населения, усиленной распашкой удобных земель и сокращением площади сверхнаделного резерва, общины стали распоряжаться всей совокупностью угодий, в том числе организацией выпасов, распределением сенокосных участков, камышевых зарослей и другим. Сенокосы и выгоны по своему хозяйственному значению первоначально играли главную роль в землепользовании, затем на первый план выдвинулись поляны, пахотные массивы и сенокосные участки, которые стали периодически на сходах распределять в подворное распоряжение, а пастбищами пользовались сообща. При этом община играла регулирующую роль: определяла количество скота, выгоняемого на пастбища от каждого двора, время пастбы, заключала соглашения с пастухами. Ее роль в распоряжении кормовыми и естественными ресурсами, в известной мере, возросла в связи с тем, что у колонистов преобладали большие многодворные общины со значительным поголовьем животных, а площадь этих угодий неуклонно сокращалась с возрастающим вводом в пашенный оборот ранее необрабатываемых участков.

Общинное землепользование, с его границами между наделами, не мешало и не стесняло пастбу общественных стад по кару и жнивьям, то-есть на пашенном клину до посевов и после уборки хлебов. И в этих случаях, по решению сходов, устанавливался порядок использования его в течение сезонного цикла.

Община распоряжалась и другими жизненно-важными угодиями:

плавнями, лесными участками, залежами известняка, рыболовными водоемами, которыми крестьяне располагали по формально уравни-тельно-переделному принципу, в то же время прослеживалась здесь постоянная экономическая заинтересованность всех общест-венников как хозяйственного целого.

Несмотря на постоянно действующие факторы (казна как вер-ховный собственник этих земель, общинная структура, давние тра-диции и обычаи), скрывавшие превращение угодий в товар, они в какой-то части становились таковыми, концентрировались в ру-ках зажиточного слоя. Некоторое число общинников из-за разоре-ния, необеспеченности рабочим скотом, неплатежеспособности и по другим причинам вынуждено было отдавать наделные участки в скрытое арендное пользование односельчанам, а продажа усадоб-ных земель с долголетними насаждениями становилась повсеместным явлением. И то и другое практиковалось преимущественно в про-должительные межпеределные периоды. Так постепенно богатейшие дворы стягивали под свой хозяйственный контроль часть общинных угодий. А в тех селениях, где переделы фактически прекращались, процесс временного, арендного держания участков перерастал в всеовладение.

Помимо скрытых денежных сделок, набравший силы зажиточ-ный слой стремился прибрать к рукам различные сельские должнос-ти, главенствовать на сходках и добиваться решений аграрных воп-росов в свою пользу. Следовательно, в общинном землепользовании изначально боролись две тенденции: коллективистская и индивиду-альная (устремления целого слоя хозяйств к нарушению общинных принципов). К тому же внутренняя структура общинного землеполь-зования была противоречивой и в другом аспекте; так как у крес-тьян частными являлись усадьбы, жилища, скот, инвентарь, кото-

рыми они распоряжались беспрепятственно, и передавали другим владельцам, продавали, делили и т.п., вся остальная земля была сохранена за общиной, а в пользовании полевыми и другими угодиями общинники придерживались уравнительности. И еще: в колониях общинность уживалась с кастрированностью крестьянских дворов.

Все-таки крепкая колонистская община устояла, хотя и подвергалась деформациям. Как сообщал в середине 40-х годов современник, близко познакомившийся с жизнью "задунайских переселенцев", "немногие семейства, из более зажиточных, соединенные союзом родства, решились отделиться от своих единоверцев, купили земли или наняли, и живут особой" — купили или арендовали эти угодия на стороне, за общинными межами. Он же отметил наличие в колониях очень состоятельных крестьян: "Во всякой колонии можно найти не один дом, который хлебом, вином, скотом, особенно овцами богаче иного помещичьего".¹⁴

Давала ли община возможность неуравнительного землепользования угодиями? Фактически давала. Высокопоставленный чиновник Министерства государственных имуществ Л. Флессьер, ревизовавший колонии "задунайских переселенцев" во второй половине 40-х годов, отмечал в своем отчете, что у них нет безземельных, так как "большая часть делятся землями по способам, которые имеет каждое хозяйство к разработке своих полей", в соответствии с этим и раскладка податей производится по площадям, фактически обработанных и засеянных полевых участков и по количеству скота у каждого двора.¹⁵ Иначе говоря, внутри сельских общин не было уравнительно-обязательного землепользования, поскольку не существовала, да и не могло быть, материального однородия колонистских дворов. Наоборот, всегда отчетливо обозначалась

лись признаки аграрного многообразия землепользователей.

Общинное землепользование, закрепленное законодательно в колониальном уставе, оставалось неизменным до реформ 70-х годов. Но и пройдя через реформы, бывшие колонисты бережно хранили эту традицию и потому в корреспонденции "Из Бессарабии", помещенной в "Бессарабском вестнике" за 1890 год (№ 190, с. 2) сообщалось в связи с этим следующее: в бывших "болгарских поселениях" (так собирательно продолжали называть "вадунайских переселенцев") общинное землевладение весьма распространено, и крестьянские хозяйства тут ведутся на основаниях мирского, общинного владения всей землей".

Примечания:

1. Дубровин Н. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива его императорского величества канцелярии, выпуск 7. СПб., 1895, с. 297.
2. ЦИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 411, л. 434-435.
3. Там же, д. 490, л. 548-550.
4. Статистические сведения об иностранных поселениях в России. Журнал Министерства государственных имуществ (ЖМИ), 1838, ч. 28, с. 25-26.
5. Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. I, оп. 214, л. 5, л. 443; ЦИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 411, л. 355-362, 366.
6. Абрамович А. А. Краткое описание хозяйства Будлакского хутора. Одесса, 1912, с. 6, 8.
7. Там же, с. 22.
8. ЦИА СССР, ф. 383, оп. 9, д. 8056, л. 6.
9. Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I и II. Одесса. 1850-1853, с. 132; ЦИА СССР, ф. 393, оп. I

д.1199, л.137.

10. ЦГА МССР, ф.24, оп.1, д.3, л.8-9, 14-13, 20-21.

11. ЦГИА СССР, ф.393, оп.29, д.610, л.116-123.

12. ЦГА МССР, ф.24, оп.1, д.3, л.8-23, 27-30, 112-113.

13. Свод законов Российской империи, 1857, т.ХП, ч.П, тетрадь

4. СПб., статья 159-160.

14. Москвитянин, 1845, ч.6, с.160- 162.

15. ЦГИА СССР, ф.393, оп.9, д.8056, л.60.

ИМУЩЕСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ.

С включением Бессарабской области в социально-экономическую систему России, особенно во всероссийский внутренний и внешний рынок, существенно изменилась историческая судьба "задунайских переселенцев" и прежде всего открылись широкие возможности для выживания и развития в их среде капиталистических отношений; рос и набирал силы зажиточный слой, связанный с рынком — этой важной движущей силой социально-экономического процесса.

При незначительном давлении на юге помещичьих латифундий, относительном многоземелье и безусловной самостоятельности крестьянских хозяйств открывались перспективы для более быстрого развития товарно-денежных отношений. Усиленное заселение пустующих территорий Буджака увеличивало емкость местного рынка — повышался спрос на сельскохозяйственную продукцию. Этому содействовал и внешний спрос, так как южная зона ускоренно втягивалась в мировые рыночные отношения через Одессу и дунайские порты. А расширение зернового производства, садоводства, виноградарства, овощеводства вызывало необходимость обновления земледельческой техники, внедрения более прогрессивных систем земледелия, широкого привлечения к сельскохозяйственному производству наемной рабочей силы.

Буджак был беден внутренними реками (тем более судоходными) и водоемами, но через него пролегали многие сухопутные тракты. На юге области дороги соединяли Бендеры, Акиерман, Измаил, Килию, Рени, Болград, Тарутино, Леово, Кагул с выходом на границу, Одессу и Тирасполь. В Комрате пересекались жизненно важные трассы: Кишинев—Ганчешты—Чимишлия—Комрат—Болград и Чадыр-Лунга—Комрат—Вилньевка—Леово. Кроме того пролегал местный,

но не менее важный путь на Бессарабскую (с 1877 года узловая железнодорожная станция). Из Чадыр-Лунги, тоже с того года от железнодорожной станции, тянулись проселочные дороги к Тарутино, центральной немецкой колонии, очень масштабному торговому пункту в Буджаке, Арцизу и далее к Аккерману, в болгаро-гагауские селения и Кагул. Через Вулканешты пролегали дороги в Болград, Кагул, Рени, Измаил, то-есть к крупным коммерческим базам на Дунае, Пруте и озере Ялпуг, а через Болград к Тарутино и далее на Аккерман, Бендеры,³ к Поднепровью. Таким образом, до конца 70-х годов Буджак располагал густой сетью дорог по сухопутью, с выходами к Днестру, Днестровскому лиману на Дунай и Прут. С вводом в эксплуатацию железных дорог (в первую очередь дороги Бендеры-Рени-Галац) он связывался с системами Юго-Западных железных дорог, с Одессой (через железную дорогу и водным транспортом), бессарабскими ветками и Поднепровьем. Это оказывало существенное влияние на развитие внутрирегиональной торговли. Транспортная система являлась весомым фактором стимулирования роста товарно-денежных отношений. А рынок⁴ ускорял процесс специализации в сельскохозяйственном производстве.

В транспортную систему кга входили и взаимосвязанные скотопрогонные тракты. Они связывали Болград, Вулканешты, Комрат, Тарутино, Каушаны, Байрамчу, Волонтировку, Чикишлию, Арциз, Чадыр-Лунгу, Тараклию, Манзырь, Петровку, Татарбунары, Романовку (около Бессарабской). Конечными пунктами являлись Аккерман, Бендеры, Измаил, Рени, через которые осуществлялись связи с внешним рынком.

Но поражение в Крымской войне и последующие два с лишним десятилетия тяжело сказывались на экспорте сельскохозяйственной продукции из оставшихся в Бессарабской области колоний. Да

и те, что были ближе к Дунаю, на территории "Бессарабского участка", искусственно принуждались властями ориентироваться в торговых операциях на Галац.

Созданный на новой границе Кубейский таможенный округ, взамен Измаильского, с сетью пропускных пунктов практически не мог заменить прежнюю систему таможенных учреждений на Дунае и Пруте, оборудованных и приспособленных для эмбоза сельхозтоваров. К началу 60-х годов во внешнеторговых оборотах Буджака стала обнаруживаться заминка, а затем и застой; у крестьян пропадал интерес к расширению товарного производства с экспортной ориентацией в дунайском направлении. Возрастала роль Одессы, куда стали в увеличившемся объеме поступать товары этого района. Однако до ввода в эксплуатацию Бендеро-Галацкой железной дороги (1877-1878 гг.) Буджак испытывал серьезные транспортные затруднения, так как коммерческие перевозки осуществлялись полностью гужевыми средствами, а это требовало много времени и больших затрат. Скот же следовал гоним и на таком протяженном расстоянии терпел вес и товарные качества.

С восстановлением в 1878 году границы по Пруту и Дунаю, оживился поток и портам животноводческой продукции, хлеб же по железной дороге направлялся к Бендерам, а оттуда поступал в Одессу. Еще сохранялся прежний разрыв хозяйственных связей с Подунавьем, нарушение экономического единства южной зоны.

Труднейшие испытания исторической судьбы "задунайских переселенцев" продолжались, но прогресс в сельском хозяйстве остановить было невозможно, он пробивался через преграды и социальное неустройство.

Пути накопления материальных ценностей и денежных средств

для дальнейшего расширения предпринимательской деятельности было несколько: мелкая торговля, ростовщичество, использование служебного положения, различные "откупы", арендные сделки небольшого масштаба и другие. Некоторые одновременно занимались торговлей, арендаторством и ссудно-ростовщическими операциями.

Из числа "безымянных арендаторов" ("откупщиков") и держателей "мелких и сbroчных статей" лишь незначительная часть пробивалась в прослойку всемогущих богачей; большинство же оставалось в нижнем ярусе торговцев, мелкой буржуазии. В архивных источниках сохранялись многочисленные данные об откупщиках-арендаторах "базарных мест", "мер и весов", различных натуральных повинностей (подводной, дорожной и других), лавочниках. Они охотно включались в эти доходные операции с очевидной возможностью разбогатеть. В частности, "питейное дело" являлось самым эффективным способом накопления денег. Особенно выгодными были полевые корчмы, расположенные обычно на "бойких местах", т.е. на важных трактах. При этом корчмарь извлекал комбинированные доходы: от торговли вином и закусками, предоставления ночлега и выпаса волов и лошадей, так как корчмы располагались выгонными участками, где останавливавшиеся сбоя за определенную плату могли подкормить животных. Вот некоторые обобщенные нами сведения. С 1830 по 1850 годы 45 колонистов содержали "питейные заведения". Они монополизировали винный откуп в своих и сопредельных колониях и даже в части сел государственных крестьян. Наибольшее число их поставлял Копет.

Близко к ним по коммерческому предпринимательству находились арендаторы базарных площадей, мер и весов, торговцев смолой и дегтем, держателей мясных лавок, это - преимущественно

жители Комраты, Чадыр-Лунги, Четмикое, Авдары, Томая и другие. Удалось выявить 20 торговцев с известным постоянством своей деятельности: в Комрате, местечке Чимишлии (у государственных крестьян), разных колониях. Часть из них проживала в сословие купцов (в Комрате и Чадыр-Лунге, Койчи, Скарли и др.). А всего в середине века числилось в Комрате 3 купцов и 24 колониста, торгующих по свидетельствам, в Вулканештах у несколько колонистов, торговавших постоянно, в Четмикое — один купец и один со свидетельством, в Курчи — один со свидетельством.¹

С начала 50-х годов в средство наживы состоятельная верхушка превратила откуп трудовых повинностей (почтовой, подводной, дорожной и других) — тогда это было разрешено финансовыми ведомствами. Чтобы не иметь дело с тяжеловесными общинными выборными органами, они предпочли контакт с предприимчивыми "содержателями" подвод и подводчиков, наемными дорожниками и строителями.

В прибрежных селениях по Дунаю и на лиманах колонисты в течение всего исследуемого периода имели доступ к эксплуатации крупных товарных рыбных промыслов. Разбогатевшие хозяйства арендовали ("откупали") их у общин и кезы с целью предпринимательства (конечно, только в пределах законодательных установлений). О размерах этих сделок можно судить по суммам арендной платы. Так, в 1830-1839 гг. вулканештский колонист П.Лафтероглы за эксплуатацию промысла на озере Белец вносил в сезон 500 рублей серебром, в 50-е годы Чимишлийский колонист И.Дропул пользовался ловлями при Слободее за 705 рублей, Н.Карагногло за такель на озере Кагул (вместе с переправой и корчмой) вносил 1000 рублей серебром ежегодно.²

Накопление денежных и материальных средств производилось и по линии злоупотреблений отдельными лицами должностным положением, в частности, сельские старшины. Затем они вкладывали их в торгово-ростовщические операции и предпринимательские хозяйства. В целом креп и нарастал их потенциал к расширенному воспроизводству. Известно, что сама система административного "попечительства" опиралась на зажиточный слой и использовалась последним для приумножения богатства и широкомасштабного предпринимательства в сельскохозяйственном и промышленном производствах.

Так во второй половине 30-х гг. в Комрате местный колонист П. Акбаш открыл мастерскую по изготовлению котлов (для домашнего обихода), в которой, кроме хозяина был наемный работник. Другой колонист Н. Скутарь, владелец большого поголовья овец, выпасаемых на арендуемых у помещика угодиях, держал небольшое предприятие по изготовлению сыра. А колонист С. Константинов с 40-х гг. содержал в Кишиневе мыловаренный завод. В Вулканештах И. Чебан владел мельницей, стоившей около 500 рублей.³

В начале 60-х годов комратский колонист Григорий Ялчу открыл в казенном селе Батыре сыроваренный или качкаважный "завод". Производился овечий сыр в кругах на 1125-1200 рублей серебром в год, который сбывался в Одессу и через Кубейскую таможню в Имамкл.⁴

Уже в 20-е годы начала выделяться верхушка аграриев. Характерным для нее было животноводческое направление предпринимательства. Комратский колонист Г. Верян с 1822 по 1831 годы арендовал вотчину Барзешты. Сам управлял, там и жил. "обзавелся хозяйством и значительной постройкой", т.е. имел свой хутор (одак), пользовался трудом наемных работников. На хуторе содер-

жал 46 голов рогатого скота, 68 лошадей и 180 овец. Но большую часть угодий сдавал в субаренду.⁵

Под воздействием рыночных отношений складывалась специализация на разведении мясного скотоводства. Более распространенным был нагул скупленного поголовья на арендуемых пастбищах, или путем стойлового содержания (с использованием заготовленных кормовых средств). И после сезонного и в случаях стационарного, доморощенного откорма ослы, овцы и свиньи направлялись ското-промышленникам к местам сбыта (ярмаркам, базарам, бойням).

С рыночными целями развивали цыгейское и тонкорунное овцеводство, молочное скотоводство. Колонисты занимались также крупно-табунным товарным коневодством, а отдельные из них основывали конные заводы, на которых выращивали отборных лошадей для прибыльного сбыта. Наиболее известными из последних по всей Бессарабской области в течение ряда десятилетий, начиная с конца 40-х годов, являлись заводы Трубчи, Кочо и Кильчика.⁶

В течение ряда десятилетий, т.е. до Крымской войны, на территории Буджака высокоприбыльным был хуторской (кишловый) способ дорацивания молодняка — этому благоприятствовало наличие больших массивов целинных земель в сочетании с продолжительностью выпасов. Известно, что на соседних помещичьих земельных участках отсутствовала барская запашка в сколь-нибудь значительных размерах, что расширило предпринимательские возможности товарных крестьянских хозяйств как при занятии земледелием, так и при специализации на отраслях животноводства.

"Задунайские переселенцы" в 40-50-е годы ежегодно в среднем поставляли на рынок до 2 тысяч лошадей, до 5 тысяч голов рогатого скота, более 95 тысяч овец и много различной животноводческой продукции — всего на сумму до 600 тысяч рублей серебром.

Несмотря на то, что преобладающее значение в хозяйственной структуре с середины XIX в. стало играть земледелие, еще в 70-х годах в среде колонистов встречались владельцы крупного поголовья овец. Так в Чок-Майдане один двор имел 1300, два - по 1 тысяче и 30 - от 300 до 500 овец. Ясно, что такое внушительное поголовье содержать на наделной земле было невозможно - требовались обширные пастбищные и сенокосные угодия в запредельных помещичьих владениях.⁷

Естественно, кутуряне не обходились без привлечения в свои хозяйства работников по найму (поденщиков, сезонных и батраков). Нанимались и пришлые и ободневшие колонисты. Сохранившиеся архивные материалы отразили эти сделки по многим гагаузским селениям - Комрату, Конгазу, Вулканештам, Этулии и др...⁸

Прогресс в сельскохозяйственном производстве колонистов осязаемо проявился в межотраслевой эволюции (земледелие постепенно становилось ведущей отраслью) и специализации в самом земледелии: расширение виноградарства, садоводства, овощеводства и бахчеводства, выращивания технических культур. В развитии последних четко выражено сказывался коммерческий интерес товаропроизводителей. Так, на соизмеримых площадях сады давали 20-30% чистого дохода, а виноградарство - 70-80%, иногда и больше.

В целом на юге Бессарабии и в частности у колонистов складывались специализированные микрорайоны этих интенсивных подотраслей земледелия. Этот процесс в селениях "задунайских переселенцев" набирал силы с первой трети 30-х годов, т.е. в период относительно устойчивого хозяйствования после второго массового притока переселенцев. С 1332 по 1342 годы число фруктовых садов там возросло с 621 до 5334, соответственно сами насаждения

увеличены с 102500 до I миллиона деревьев. За это время виноградники с 4500 увеличились до 6860, а выработка вина с 101500 до 314570 ведер. К концу 40-х годов на виноградных плантациях уже было 4276 тысяч кустов, к 1854 году выработка вина достигла 500 тысяч ведер. В некоторых селениях к началу 50-х годов находились крупные фруктово-виноградные насаждения: в Болграде - 639 садов (23600 деревьев) и 675 виноградников (более 300 тысяч кустов), в Вулканештах - 152 сада и 195 виноградников (23000 деревьев и 112 тысяч кустов), Комрате - 150 садов и 224 виноградников. В 20 селениях Верхне-Буджакского округа особенно выделялось садоводство (в начале 40-х годов - 287600 деревьев), там же - 275 тысяч кустов винограда.

Владельцы крупных садов, виноградников и огородов для получения устойчивых урожаев применяли "напускную поливу" с помощью специальных оросительных сооружений - чичерей, порий, канальной системы. При виноградно-винодельческой специализации такие хозяйства пользовались оборудованными винохранилищами, привлекали к производственному процессу профессионалов-виноделов (из специальных фондов заимствовали денежные средства на расширение плантаций). Получило распространение питомниковое дело (в конце 40-х годов функционировало 62 питомника), доходной статьёй становилась продажа саженцев, черенков и т.п.⁹

Среди таких аграриев в Комрате выделялись П.Джолтян, И. Койчо, Колдоран и другие. Сады Иордана Койчо в 40-е годы насчитывали 100 тысяч деревьев, а из двух обширных виноградников гродви преимущественно перерабатывались на винодельнях (получалось несколько тысяч ведер вина). Его сын Н.Койчо владел в Комрате пятью виноградниками и на большом хуторском хозяйстве содержал плантацию в 7,3 десятины.

Известный агроном Стевен после посещения колоний в 1841 году писал, что в Комрате один колонист владел тутовой плантацией в 9 тысяч деревьев. Доход из нее извлекал не путем непосредственного занятия шелководством, а продажей зеленого листа другим шелководам по цене от 20 до 40 копеек за око (3 фунта, что составляет 1,2 кг.). Это было своеобразное предпринимательство.¹⁰

Как уже отмечалось, в "Бессарабском участке" оказались 7 гагаузских селений, где садоводство и виноградарство играли исключительно важную роль. Но в силу гнетущего положения там колонистов и вынужденной миграции на Украину эти отрасли в ^{концов} ~~концов~~ ^ц ~~ц~~ ^у ~~у~~ ^{заглохли}. В оставшихся в пределах Бессарабской области селениях гагаузов (как и болгар) и плодородство и виноградарство продолжали прогрессировать. Вот доказательство этому: в 1860 году в фруктовых садах насчитывалось 665 тысяч, а в 1895 году уже около 1 миллиона деревьев. К 1871 году площадь садов и виноградников достигла 3340 десятин и в них 3284500 кустов. Площади плодово-виноградных долголетних насаждений достигали в Комрате - 400, Казаяклии - 304, Чешмикиое - более 200 десятин. В двух последних сложилась специализация на виноградарстве (288 тысяч и 152 тысяч кустов).¹¹ Кстати сказать, занятия садоводством, виноградарством (и связанным с ним виноделием) и другими интенсивными отраслями требовали от крестьян большого опыта и мастерства.

В колониях появлялась "интеллигенция из крестьян", в том числе и занятая непосредственно в материальном производстве (виноградари и виноделы, специалисты по землеустройству, подготовленные в учебных заведениях садоводы, табаководы, лесоводы, специалисты по изготовлению сложной сельскохозяйственной техники), что

способствовало углублению процесса специализации и интенсификации земледелия.¹² Хотели сказать, для успешных занятий при этом требовался повышенный уровень рабочей квалификации и в среде самих крестьян. Безусловно, эта влиятельная сила в сельском хозяйстве в первую очередь обслуживала рационально-поставленные экономии, то-есть и общинные усадьбы и разбогатевших колонистов. Богатства эти у отдельных семей были огромные. Один из современников, побывавший в колониях в конце 30-х гг., обнаружил таких богачей, которые имели по 100 тыс.рублей капитала. Может быть, тут имеет место преувеличение, но факт наличия в колонистской среде таких толстосумов несомненен, о чем свидетельствуют характеристики обширных хозяйств почти в каждом селении.¹³

Х.Стивен, ставший инспектором сельского хозяйства южной России, отмечал, что у "залучных переселенцев" наиболее распространенной хлебной культурой была яровая пшеница арнаутка. Для нее они "приискивали свежую землю, хотя бы за 80 верст от своего селения, как тому есть примеры". Стивен писал свой обзор в начале 40-х гг. и это важно с точки зрения выяснения степени расслоенности крестьян уже к тому времени. Он сообщал: "Есть хозяйства, которые высевает от 150 до 170 четвертей ежегодно и довольно многие сеют более 100 четвертей". Для обработки полей и особенно уборки урожая такие хозяйства привлекали батраков из царанских и казенных селений и работников из Подольской, Киевской и Полтавской губерний.¹⁴

Что в связи с этим необходимо отметить? По практиковавшейся тогда норме высева пшеницы по I четверти на I десятину (I, I га) выходит, что в колониях было немало дворов, засевавших арнауткой от 100 до 170 десятин при наделе земли менее 50 десятин. Значит, широко практиковалась аренда пахотных угодий на стороне,

преимущественно у помещиков, часто отдаленных от колоний. Весенний посевной период в Буджаке был короткий, требовал спешной работы, а плужная упряжка при тяжелых почвах 6-8 волов (да "пересменка" столько же). Отсюда вывод: богатые семьи содержали большое число тягловых животных, много плугов, борон, катков, уборочного инвентаря, а при молотье прогонкой скота целый табун лошадей. Плюс к этому для обслуживания всего производственного процесса требовалось немало рабочих, помимо своих трудоспособных членов семьи. Таким хозяйствам по силам было приобретение сельскохозяйственных машин промышленных образцов.

Почему колонисты так расширили запашку и посея арнаутки? Ясно, что в хлебном балансе (сюда входит посевное, продовольственное, фуражное и страховое зерно) товарный излишек составлял тысячи пудов. Вот последний и был главной целью хозяйственной деятельности зажиточных дворов. А стимулом его возрастания являлся увеличивавшийся спрос на пшеницу в отпускных портах - Одессе, Измаиле, Килисе, Рени, Аккермане. Именно тогда, в начале 40-х гг., в колониях зажиточная верхушка высказывалась за раздел общинных угодий на посемейные участки.¹⁵

Масштабные арендные сделки касались пахотной земли. "Задунайские переселенцы" некоторое время располагали большим резервным фондом угодий. Еще в 1830 году он составлял 190 тысяч десятин (то-есть более 200 тысяч гектаров). Но с устройством беженцев (второй массовой волны) и естественным приростом площадь его заметно сократилась - уже к середине 40-х годов до 76,5 тысяч десятин. Эти запасы сохранились главным образом в причерноморской полосе. А в Верхне-Буджакском и Кагуло-Прутском округах сверхнадежный резерв практически в 1856 г. составлял лишь 13 тысяч десятин.¹⁶ Но потребность в земельных участках воз-

росла со стороны ажиточного слоя. Их можно было арендовать у помещиков, которые в подавляющем числе сами хозяйством не занимались, достаточного оседлого крестьянского населения не имели и извлекали доходы через арендные сделки с мелкими съемщиками (десятинщиками) и более богатыми арендаторами из торговых городов и колонистов. Но земледельцам выгоднее было иметь дело с последними, так как раздробительная сдача пахотно-сенокосных и пастбищных угодий приводила к истощению их плодородия, эрозиям и т.п. С другой стороны, колонистам-предпринимателям в силу бытовавшей пералогной системы земледелия и преимущественного занятия скотоводством требовались большие массивы угодий. На практике так и было — арендовали целые имения в Бендерском, Аккерманском и Кагульском уездах.

В 30-40-е гг. комратские, вулканштские, конгазские и другие колонисты-агратии (группами и индивидуально) содержали в аренде около 45 тысяч десятин. Как уже упоминалось, часть наиболее денежных хозяйств переходила от аренды к приобретению земли. Отдельные колонисты Комрата, Авдармы, Конгаза, Вулканшт в 30-50-е годы стали собственниками более 20 тысяч десятин.¹⁷ Хотя после реформы 1871 года колонисты, ставшие крестьянами-собственниками, не имели права до окончательного выкупа наделов продавать их, фактически уже в 1872 году на территории Бендерского уезда отмечены случаи полного погашения выкупной суммы и рыночного обращения земельной собственности.¹⁸ Такие люди были изворотливы и опыты в предпринимательских делах. Начинали обычно накопление денежных средств в неземлеладельческих доходных операциях, затем переключались на фермерско-арендные занятия.

Так вулканштский колонист Каранфил Палиногло до конца

40-х годов содержал в своем селении корчму, одновременно занимался и другими коммерческими сделками, а в 60-е годы уже арендовал 2910 десятин, затем купил у помещика Е.Балша имение Карбаул - 4500 десятин.¹⁹

В 40-х годах начал свою успешную торгово-предпринимательскую деятельность комратский колонист Н.Попов. Вскоре втянулся в земельно-арендные операции: арендовал крупные помещичьи вотчины Шерпены (4 тысячи десятин) и Пугочены (2600 десятин), на которых постоянно жили 896 царан и временно 182 земледельца десятичника. По сведениям за 1862 год он числился в купцах и как собственник 1233 десятин.²⁰

И другие богачи обладали крупными земельными состояниями. На примере предпринимательства семьи комратских колонистов Койчо можно проследить становление и дальнейшее укрепление позиций аграриев. Начал Иордан Койчо в 1825 году с того, что захватил из комратской общинной дачи 40 десятин (кроме своего надела) и владел участком до 1839 года. На 37 десятинах заложил фруктовый сад и две виноградные плантации. Одновременно (с 1837 г.) арендовал целое помещичье имение Бороганы в Бандерском уезде. Присвоение общинных угодий продолжил его сын Николай: к 1852 г. в его руках оказалось еще 101 десятина и усиленно расширял виноградники, в том числе 5 плантаций развел на землях односельчан. Затем прихватил "довольно обширное пространство" по реке Ялуг (под огороды) и камышевые плавни (камыш продавал за 300 рублей в год). Родоначальник аграрий Иордан Койчо в 1839 году купил 1559 десятин помещичьей земли и назвал имение Иордановкой.²¹

В середине 40-х годов поселил там 31 семью мелких арендаторов (десятичников). Помимо значительных доходов от аренды

садов, виноградников, огородов, камышевых зарослей, получал большие прибыли от виноторговли в собственных лавках, винных погребах и корчмах в Комрате, Чск-Майдане, Дезгинже, держал на откупе базарную площадь в Комрате. Его огромное хозяйство процветало и в 60-70-е годы.²²

Другой богатч этой семьи Георгий Койчо выбился в измайльские купцы и совмещал торговые операции с сельскохозяйственным предпринимательством. В 50-60-е годы арендовал вотчину Пиперканы с жившим на ней царанами, которые отбывали ему повинности как и прежнему землевладельцу. Там же содержал 1,5 тыс. овец с коммерческими целями.²³

В числе крупных аграриев следует отметить колониста из села Авдарма - А.Петка. В 1846-1847 гг. в два приема он купил у помещика Ф.Романенко 750 десятин за 6375 рублей из урочища Когыльник. Так возникло незаселенное имение Божога (в Бендерском уезде). Сам он и его наследники вели обширное земледельческое и животноводческое хозяйства, вступали в торгово-денежные отношения с купцами и другими частными лицами, пользовались наемной рабочей силой государственных крестьян соседних селений и колонистов из Комрата. В 60-х годах наследники разорились.²⁴

Вот еще страницы из предпринимательских дел комратского колониста А.Трубчи. В 1825 году ревеша (крестьяне-общинники и собственники вотчины) села Сарата Бендерского уезда сдали свои земли на 6 лет в аренду деовскому жителю Хаджи Михаилу Савве. Он вскоре переуступил ее А.Трубче, который и распоряжался до 1832 года. А деньги предварительно накопил в 1820-1823 гг. «ростовщическими операциями в местечках Деово и Ганчешты. Следующим шагом явилось приобретение урочища Ивановки Бендерского уезда. Его площадь 2 тысячи десятин, из которых затем под пашней числилось

500 десятин, а остальные 1500 десятин - пастбища и сенокосы. Имением владел прочно и в 40-60-х годах.²⁵

Судя по масштабам хозяйственного размаха и величине вложенных денежных и материальных средств, выдающимися индивидуальностями в среде аграриев юга области были отец и сын Кыльчики (комратские колонисты). Оставили след в хозяйственной жизни Буджака как самые предприимчивые, самые крупные землевладельцы - в конце века им принадлежало до 75 тысяч десятин земли, а все недвижимое и движимое имущество не поддавалось оценке - так они были богаты. Такой недосыгаемой высоты экономического процветания другие колонисты не одолевали. По-существу они являлись крупно-поместными владельцами, оттеснившими всех аграриев на более низкую ступень достатка. Начал предпринимательскую деятельность Иван Дмитриевич (долго жил - умер в 1893 году), а продолжил сын Григорий Иванович, который к началу XX в. сосредоточил в своих руках 8 имений (7 в Бессарабской губернии и одно на Волинии). Помимо того арендовал тысячи десятин угодий. Он через брак породнился с дворянским домом Вилневских. Получил существенное по тем временам образование: начальное в Комрате и среднее в 1-й Кишиневской мужской гимназии. Их интересы были многообразные и изменчивые. Так, младший Кыльчик оставил след и в развитии культуры юга: в 1886 г. основал в Комрате реальное 7-классное училище, дававшее среднее образование; его основание и другие расходы стоили более 194 тысяч рублей (частью собраны с жителей Комрата и окружающих сел). При двухклассном женском училище построил мастерские. Принял участие в обновлении собора. Это мероприятие в сочетании с богатствами дало ему звание "потомственного почетного гражданина", приравнявшее в сословных привилегиях к дворянскому. Безусловно, его

огромное хозяйство держалось на эксплуатации сотен и тысяч наемных крестьян и ремесленников.²⁶

Отметим, что и при таких богатствах и даже приобретении другого сословного положения аграрии оставались колонистами и несли повинности: налоги платили, а от натуральных нарядов (подводных, дорожных и т.п.) откупались.

Рассмотренные материалы позволяют утверждать о чертах очевидного классового расслоения. Но основная масса колонистов не выходила из среды имущественного расслоения.

Имущественное неравенство в среде переселенцев сказывалось еще в годы их устройства в Буджаке. По истечении срока налоговых льгот выяснилось, что часть из них продолжала свою завышенную жизнь на стороне из-за хозяйственной слабости, хотя и значилась в селениях как члены общин. О таких бедствующих семьях свидетельствуют пометки в документе: живут "по найму в услужении". Бедные дворы в 1916 году зафиксированы в Кубее, Саталык-Хаджи, Табаке, Стулии, Чешникино, Вулканештах, Томае, Кязаклии и других селениях.²⁷

"Задунайские переселенцы" по своим историческим традициям отличались общесемейностью. Большая семья — это особая самостоятельная социально-производственная ячейка, это своего рода семейное трудовое предприятие, живущее по своим законам имущественных отношений. В семейном хозяйстве крестьянин выступает (в одном лице) и как хозяин и как работник. Цель производства в трудовой семье не извлечение прибыли, а в удовлетворении повседневных потребностей его членов. При благоприятных социально-экономических условиях она увеличивала свои затраты, при напряженных моментах снижала уровень своего бюджета, становилась более натуральной. В последнем случае такие семьи (дворы) терпели

финансовую сбалансированность, хронически испытывали нехватку материальных и денежных средств, оскудевали до предела суживая индивидуальные потребности.

В Буджаке крестьянские хозяйства с посевами на 12-16 десятинах обеспечивали себя продовольствием и семенным зерном. Это дворы среднего достатка, но с ограниченным семейным бюджетом. Выше этого критерия находились зажиточные дворы, ниже — бедные, мелкие, в большинстве своем хозяйственно-неустойчивые, среди которых встречались и такие, у которых "за душой ни гроша" и в перспективе превращение в безземельных батраков.²⁸

Чтобы иметь конкретное представление о стереотипе бедного колониетского двора, приведем данные, относящиеся к концу 30-х — началу 40-х годов. У курчийского колониста Н. Нончиджидо все хозяйство состояло из чамурного дома, сарая, пары волов и 18 овец, у другого крестьянина этого селения Н. Чакира — дом чамурный однокомнатный, сарай чамурный, два вола и 30 овец (из них десять барашков); в Вулканештах у Т. Иваночеглу — дом чамурный, 2 вола и 4 головы молодняка; в Чешаликине — у Т. Кара — дом глинобитный, пара волов и корова с теленком.²⁹

Конечно, с такими ресурсами, особенно с крайне недостаточным поголовьем и тупоголовым и продуктивным скота, вести хозяйство в Буджаке было практически невозможно. Но были и совсем бедные семьи, которых отнести к крестьянским уже нельзя. Из-за безденежья исключалась возможность покупки и содержания упряжного скота — неременного условия обеспечения устойчивого существования крестьянского хозяйства в этой зоне. Этот слой перцеллярных хозяйств не был товаропроизводителем, которому трудно было одолеть порог бедности на протяжении всего долгого жизненного пути.

Имущественное и в какой-то части социальное расслоение отражают сведения о домашних очагах колонистов. Данные местных властей на 1855 год свидетельствуют, что в Курчи 127 семей жили в домах, а 67 в землянках. Соответственно такое соотношение в Чешинкино - 217 и 18, в Вулканештах - 333 и 68, а в Этулии жилищ-землянок не зафиксировано.³⁰

Разумеется, с незначительным хозяйством приходили многие переселенцы в конце 20-начале 30-х годов. А три засушливых года действовали разорительно на тех, кто располагал определенным количеством торгового и продуктивного скота. Потребовались годы, чтобы они обрели хозяйственную самостоятельность. Вот почему часть из них вынуждена была идти в помещичьи имения, закабалиться на ряд лет, чтобы выжить. Примером может быть судьба 13 семей и 11 одиночек. Им, "находящемуся в бедном положении", пришлось "отдать себя в услужение" в вотчине графа Нассельроде, что в Бендерском уезде. Они должны были отработать числящиеся с 1836 года казенные недоимки в сумме 1477 рублей серебром, которые управляющий имением обязался погасить в три срока. Соглашение обеих сторон было оформлено летом 1848 года. Это была для обедневших "отдушина", через которую можно было пополнить семейный бюджет. Это был пример того, насколько некоторые были индивидуально бедны при таком общем богатстве "болгарского водворения". На хозяйство среднего достатка, не говоря уже о таких слабых, мощно давили сельские ростовщики. Зажиточный слой "задунайских переселенцев" постоянно прибегал к труду сезонных батраков и поденщиков.³¹

Как утверждал известный статистик и историк "Новороссии", современник описываемых процессов А.А.Скальковский, "из всего количества иностранных колонистов всякое почти семейство, т.е.

хозяйство, требует еще наемных работников и не одного, а часто целых десятков, особенно во время сенокоса, жатвы и обмолота своего хлеба".³² В этом деле они конкурировали с помещиками, которые широко пользовались трудом отходников.

Расслоение в колониистской среде сопровождалось глубокой отчужденностью "хозяина" от "работника". Обедневший колониист, обеспечивавший свой жизненный уклад путем найма, всюду (и в домашнем обиходе, на общинных сходах, торжествах и увеселениях) не должен был "смешиваться" с "хозяевами", держаться на расстоянии и при ослушании строго наказывался последними (вплоть до физической расправы). Это унижение бедняка было общепринято, отражало реальное соотношение экономических сил в селе. С годами число "работников" — колониистов росло, о чем свидетельствуют архивные и другие источники. Они (пастухи, батраки, поденщики и др.) появились уже в 30-40-х гг. во всех гагаузских селениях.³³

На расслоение в колониистском селе прямое влияние оказывали стихийные бедствия, от которых для большинства крестьян, несмотря на "воловье трудолюбие", (как отмечал один из чиновников, инспектировавших состояние колоний) не было спасения. В первую очередь юг поражали засухи, бездождие и т.п. Неурожайными были: I-я половина 20-х годов, начало 30-х годов, конец 40-х, конец 50-начало 60-х годов, середина 70-х годов, начало 90-х годов, начало XX века. Это были затяжные засушливые периоды, сопровождающиеся высыханием посевов, трав, бескормицами и эпизоотиями, сокращением поголовья и посевов, и, конечно, обеднением большого числа семей. Крупные хозяйства также несли потери, но выходили из беды с необходимым материальным потенциалом для скорого восстановления прежнего уровня. Остановимся для примера на одном периоде. Накануне реформы 1871 года "задунайские переселенцы",

оставшиеся на территории Бессарабской области, пережили продолжительный хозяйственный кризис. Крымская война с ее тяжелыми последствиями для края вообще, а для рассматриваемого разряда в особенности, депрессия в экономике области конца 50-х первой половины 60-х годов, целая серия стихийных бедствий, трудно одолимых особенно для экономически обессилых крестьянских дворов, реформы 60-х годов, сопровождавшиеся ломкой устоявшегося жизненного уклада – существенно сузили материальный потенциал колонистов. Раньше до 70-х годов из них редкий хозяин не имел своего плуга,¹⁴ волов, 2-3 коровы, 3-4 лошади, 50-100 овец и с года на год в запасе 220-230 пудов хлеба.

Однако в силу перечисленных причин многие дворо-хозяйства оказались нежизнеспособными, непрочными. Итог этого следующий: к 1870 году "две пары волов, 2-3 лошади, 1-2 коровы, 20-30 овец можно найти только у немногих лучших хозяев; у большинства же осталось только по паре волов и лошадей, по одной корове и по 5-6 овец; у многих и того уже нет". Особенно губительными являлись продолжительные засухи, скотские падежи, налеты саранчи, неблагоприятные для хозяйственной деятельности неустойчивые зимы. В конце-концов крестьяне вынуждены были за бесценок продавать скот, в том числе и тягловый, без чего невозможно было сохранить хозяйственную самостоятельность. Так к концу 60-х годов цена коровы снизилась до 5-7, вола – 8-10 и "порядочной лошади" до 15-20 рублей. В то же время корм в непастьбишные периоды продавался по небывалым ценам: зимой "сажень соломы небольшой

¹⁴ Под термином "плуг" – имеется ввиду пашенный комплекс, включавший собственно орудия – тяжелый степной плуг и упряжку в 4 пары волов.

клады" стоил 40-50 рублей, а весной даже 80-90 рублей. В 1967 году из оставленного на зиму скота две трети пала от истощения, а овец 2/10. Конечно, у подавляющего большинства дворохозяев не было денег, чтобы удержаться от полного разорения, а требовалось еще уплачивать налоги от 25 до 50 рублей с семьи и погашать долги с высокими ростовщическими процентами.

В 1969 году снова повторилась засуха - собрали только третью часть семян. Люди питались суррогатами. Можно было путем отходничества в северные уезды Бессарабии заработать крайне необходимую сумму денег, но требовалось выкупить временный паспорт, а он стоил 5 рублей. Местные чиновники-ростовщики буквально грабили обедневших: брали по 40-50% ссуду на 6 месяцев. Перечисленные обстоятельства глубоко пошатнули благосостояние колонистов, вызвали в их среде массовое обеднение.³⁴ Все четче обозначились не только имущественное неравенство, но и социальное расслоение, которое углублялось по мере развития товарно-денежных отношений. И, безусловно, последним стали в значительной мере определяться все социальные процессы в колонистской среде. В то же время фиксируя несомненные факты имущественного и социального расслоения в колонистской среде, ее многоструктурность нельзя отбрасывать такую реальность, как значительное земельное обеспечение колонистских семей и довольно устойчивые позиции поземельной общины с ее переделной системой пользования угодиями, что сдерживало контрастность дворо-хозяев в распоряжении основным средством производства - землей, ограничивало возможности для расширенного воспроизводства. Стремительного распада бывшего колонистского села не произошло в пореформенные десятилетия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ЦГА МССР, ф.44, оп.1, д.321, л.10, 21; д.478, л.85; ф.24, оп.1, д.3, л.10-25.
2. ГАОО, ф.6, оп.1, д.3155, л.24-26, 28; ЦГА МССР, ф.2, оп.1, д.6538, л.108-109.
3. ЦГА МССР, ф.44, оп.1, д.478, л.85-89; д.435, л.5; д.738, л.64; ф.305, оп.1, д.339, л.237.
4. Там же, ф.2, оп.1, д.7612, л.349; д.7787, л.216; д.7790, л.142; ЦГИА СССР, ф.381, д.5933, ч.1, л.117, 269.
5. ЦГА МССР, ф.44, оп.1, д.478, л.173, 349; ЦГИА СССР, ф.1350, оп.1, д.18, л.1-6.
6. Статистическое обозрение коннозаводства России. СПб., 1847, с.208; ЦГА МССР, ф.2, оп.1, д.5619, л.99; Мердер И.В. Сборник сведений о торговле лошадьми и перечень конских заводов в России. СПб., 1871, с.51; Список частных конских заводов в России. СПб., 1878, с.199. Конская перепись 1832 года. СПб., 1834, с.8.
7. Кишиневские епархиальные ведомости, 1876, №20, с.736.
8. ЦГА МССР, ф.44, оп.1, д.265, л.91, 118; д.736, л.58; д.733, л.161, 199, 200, 218; д.812, л.10, 11, 34, 92; д.916, л.5-6, 57; д.933, л.8.
9. ЦГИА СССР, ф.393, оп.1, д.1199, л.37-38.
10. Там же, оп.5, д.841, л.3.
11. Фактические данные взяты из архивных источников и периодических изданий (ЛМГИ), земледельческая газета и другие.
12. Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Одесса, 1853, с.222; ЦГИА СССР, ф.393, оп.1, д.1199, л.37-38.
13. Пуговин К. Буджак и Южная Бессарабия // Северная пчела, 1833,

№ 137, с. 548.

14. ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 5, д. 941, л. 3; ЦГА МССР, ф. 44, оп. 1, д. 321, л. 8, 21, 24, 47; д. 478, л. 73, 114; д. 609, л. 13-31.

15. ЦГИА СССР, ф. 333, оп. 5, д. 4367, ч. II, л. 17.

16. Мещеряк И. И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1836-1956). Кишинев, 1971, с. 237-238.

17. Сведения взяты из архивных источников: ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 400, 657, 1006; ф. 3, оп. 1, д. 61; ф. 24, оп. 1, д. 3; ф. 2, оп. 1, д. 6139; ГАОО, ф. 249, оп. 1, д. 1048.

18. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 8233, л. 316.

19. ЦГИА СССР, ф. 333, оп. 9, д. 8056, л. 60; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, л. 6139, л. 131.

20. ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 6139, л. 152-153; д. 7453, л. 36.

21. Иордановка, ныне село Бессарабского района.

22. Сведения о Койчах содержатся в архивных фондах: ЦГИА СССР, ф. 381, д. 20613; ф. 333, оп. 9, д. 8056; ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 8050; ф. 3, оп. 2, д. 375; ф. 44, оп. 1, д. 543; ф. 302, оп. 2, д. 400; ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 3155.

23. ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 446; д. 1006; ф. 3, оп. 1, д. 61; ф. 37, оп. 3, д. 659; ф. 2, оп. 1, д. 7453, л. 36.

24. ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 2334, л. 1-23; д. 1727, л. 124; ЦГА МССР, ф. 302, оп. 2, д. 627, л. 3-4; ф. 2, оп. 1, д. 4367, л. 70-71; д. 6139, л. 153-154; д. 7453, л. 36; ф. 33, оп. 1, д. 1076, л. 7.

25. ЦГА МССР, ф. 44, оп. 1, д. 433, л. 27.

26. ГАОО, ф. 249, оп. 1, д. 1048, 1197, 1306; ЦГИА СССР, ф. 593, оп. 3, д. 376, л. 26-31; оп. 39, 27, л. 2; Иов Таиров, Георгий Иванович Цанко-Кыльчик от Комрата, Бессарабия, София, 1910; И. Титорев. Указ. соч., с. 214-216; Боканча П. С. Записки бессарабца,

т. I, // Отдела рукописей Государственной библиотеки им. Ленина, с. 470.

27. Попруженко М. Г. Из материалов по истории славянских колоний в России, 1909, с. 10-14.

28. Абрамович А. А. Краткое описание хозяйства Буджакского хутора. Одесса, 1912, с. 24.

29. ЦГА МССР, ф. 44, оп. I, д. 610, л. 53; д. 623, л. 10, 16; д. 656, л. 6; д. 920, л. 46-47; ф. 302, оп. 2, д. 715, л. 1-70;

30. ГАОО, ф. 6, оп. 3, д. I, л. 10-72.

31. Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии, 1812-1861 гг. Документы и материалы, т. III, ч. 2, Кишинев, 1960, Док. № 133.

32. ГАОО, ф. 147, оп. I, д. 36, л. 15.

33. ЦГА МССР, ф. 44, оп. I, д. 476, л. 38; д. 584, л. 23; д. 674, л. 24-25; д. 717, л. 2, 5; д. 906, л. 3, 7; д. 952, л. 5-7; ф. 2, оп. I, д. 3511, л. 177; Бессарабский вестник, 1890, № 232, статья "По дороге", с. 2.

34. Настоящее положение бессарабских колоний // Бессарабские областные ведомости, 1870, № 19.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА. ОТТОРЖЕНИЕ ПОДУНАВЬЯ.

2 Юг Бессарабии - край с важными опорными пунктами экономическо-го и стратегического характера - являлся ^ипредпольем ближним тылом войск, действовавших на Дунае. Здесь концентрировались огромные запасы продовольствия и фуража для Южной армии: муки, круп, сухарей, вина, уксуса, перца, ячменя, сена. Чтобы под-нять и перебросить эти грузы вслед за продвигавшимися войсками к Дунаю, потребовался в области наряд 4380 крестьянских пароволочных подвод, сформированных в особо воинские подразделения. С переходом войск в Крым, подводы использовались для переброски туда провианта, снаряжения, боеприпасов.

Для пополнения армейских запасов в 1854 году было взято зерна из общинных сельских запасных магазинов и переработано в муку (часть пошла на изготовление сухарей), хотя в 1855 году Бессарабию поразила засуха. С продовольственными целями также было передано войскам большое количество продуктивного скота.

Бессарабия не поставляла рекрутов и ополченцев. Лишь небольшая группа населения - дунайские казаки (три полка) и вольные матросы непосредственно участвовали в военных действиях. Но был выполнен огромный объем повинностей: с начала войны до середины 1855 года наряжено 1,032 млн. подвод, отбыто 1,106 млн. человеко-дней на оборонительных и дорожных работах и 19 млн. постоянных дней.

В Подунавье происходила массовая передислокация войск, производились трудосемкие работы по возведению оборонительных сооружений и линий.

Очень оттощены были "задунайские переселенцы". Через их округа передвигались к Дунаю, а затем при отступлении обратно -

корпуса действующей армии. От нарядов тягловый скот манулялся и падал, трудоспособные крестьяне отлекались от сельскохозяйственных работ, поэтому посев и сбор хлебов запаздывали, осенняя вспашка полей не производилась. К тому же в 1854 году случился неурожай трав.

Царское правительство вынуждено было специально заниматься выработкой мер по поддержанию находящихся в бедственном положении крестьянских хозяйств; освобождение от платежа податей, в размере полугодового оклада; отсрочка на год погашения недоимок без начисления пени; выдача ссуд для приобретения семян и др. Но идя на эти пособия, царское правительство предусматривало цель: крестьяне могли вновь обратиться к обычным своим занятиям и сделаться состоятельными в исполнении лежащих на них обязанностей.

В ходе войны возникла напряженная обстановка в крае, создавалась неуверенность населения в возможностях армии отстоять территорию Бессарабии.

После ряда столкновений с турецкими войсками на Дунае внешнеполитическая ситуация изменилась не в пользу России. В числе противников наряду с Турцией оказались Англия и Франция — сильнейшие капиталистические страны, Сардиния и соседняя Австро-Венгерская империя.

Кинная армия стремилась постепенно отдалиться от опасной зоны, отступила в Бессарабию и сопредельные украинские губернии, а затем передислоцировалась в Крым.

Ввиду реальной угрозы оккупации края, австрийскими войсками, в иных условиях проводилась подготовка к эвакуации Дунайского кавалерийского войска, готовилось ополчение.

Жители придунайской полосы с окончанием этой войны на-

двлялись, как и после прежних войн, поправить свое хозяйство, Но беда настигла их неожиданно: побежденная Россия вынуждена была согласиться на отторжение юго-западной части Бессарабии. Победители отодвинули Россию от Дуная.

По Парижскому миру 1856 года, определившему результаты Крымской войны, дельта Дуная, присоединенная к России по Адрианопольскому миру 1829 года, передана Турции, а Подунавье (под названием "Бессарабского участка") поступило в распоряжение Молдавского княжества. Новая граница, установленная произвольно в марте 1857 года, проходила в основном по сухопутью и реке Ялпуг без учета жизненных интересов крестьян - оставили многие селения без полевых угодий. Она рассекала почти пополам "водворение задунайских переселенцев".

На территории "Бессарабского участка" проживало ко времени его отторжения около 140 тыс. человек, в том числе 49 тысяч названных колонистов. К Молдавскому княжеству переходила лучшая часть колонистских земель, прилегающих к Дунаю и Пругу. На отторгнутой территории оказались гагаузские селения: Болбола, Вулканешты, Конгаз, Курчи, Табак, Чешмикой, Этулия и ряд селений смешанного состава.

Гагаузы, проживающие в городах Болграде, Измаиле и Рени разделили судьбу гонимых с другими жителями "Бессарабского участка".

Еще проводилось разграничение владений на местности, а молдавское правительство поспешило "успокоить" новых подданных: 4 февраля 1857 года обратилось к ним с прокламацией. Вот обещания правителей княжества: оно "принимает всех жителей части Бессарабии как братьев и единоверцев", "впредь ^{правительство} молдавское не только не касается прав, которыми пользовались доныне, под

правлением Российской империи, но сверх сего поставит для себя долгом охранять привилегии и права, вами приобретенные", и т.д. в этом духе; в частности, правительство облыжвалось снабдить "новых поданных потребными улучшениями"; в новом "отечестве" они "найдут справедливость и защиту" и "всякое возможное благо"; правительство торжественно обещало "попечение о их судьбах и обеспечение счастливой будущности". А что же должны были сделать жители "Бессарабского участка"? Немногое: безоговорочно повиноваться. Все эти обещания являлись лишь уловкой властей.

Тем временем на колонистов и другие категории и слои населения скороиспеченные властители вваливали все новые и новые тяготы: финансовую обузу в виде различных налогов, трудовые повинности, воинскую повинность, лишение прежних прав, латиницу и румынизацию, разобшение церкви и верующих (отрыв от Кишиневско-Хотинской епархии и передачу одной части приходов в подчинение Галацкой, а другой части - Хушской епископии), торгово-предпринимательские ограничения, навязали новое административное деление (с упразднением самобытной системы местного общинного самоуправления) и румынскую систему учреждений (каймаканство, околии, комуны, примарии, префектов, субпрефектов и т.п.). Все это сопровождалось наплывом в селения чуждого интересам населения чинизничества, искусственным отрывом селений от экономических и других связей с Бессарабией, Украиной, Россией и Болгарией, наращиванием войск и полицейским насыщением в колониях. Новые правители "законодательствовали", упивались властью, обрекая крес-

тью на пассивное терпение.⁸

Все разряды и категории населения вскоре столкнулись с подлинной действительностью — неприемлемым для них режимом, поняли коварный смысл убаюкивающей "прокламации", стали практически сталкиваться с действительной политикой "господ".

Началось тайное частичное отселение в Бессарабскую область. Тогда последовало новое воззвание, но уже адресованное непосредственно "задунайским переселенцам". Их призывали не верить "правдам внушениям и распространенным ложным слухам, которые посеяли беспокойство и страх", не предаваться заблуждению.

Что же в конечном счете получили жители "Бессарабского участка" от Молдавского княжества? Полицейский террор, фактическое военное положение, экономический застой, произвол и разгул властей, игнорирование прав, добытых лишениями и борьбой. Это вызвало долгое, целенаправленное сопротивление колонистов.

С отрывом Подунавья от Бессарабской области, с созданием обстановки изоляции обрывались рыночные связи, нарушался весь хозяйственный ритм. Пострадало и школьное дело (замена в учеб-

⁸ Правительство своей реформой в управлении (1864 г.) на деле привело к следующему результату: "составив массу отдельных общин, оно подчинило их суб-префектам, префектам и уездным советам; отняло у поселян всякую инициативу и бросило на произвол мелких местных властей и капризам агентов". Эти общины "теряют свою самостоятельность и являются какой-то населенной группой людей без всякого голоса и не имеющих никакого права". (Из дознания российского консула в Галаце новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору от 19 декабря 1866 года — ЦГА СССР, ф.1811, оп.15, л.93, л.25).

них заведениях славянского языка молдавским).

Такие временщики как каймакан Балш, управляющий Болградским округом И.Ионеску, полковник Тырку, опиравшиеся на многочисленное чиновничество и войско, были прямыми проводниками политики правительства М.Когэлничану* по ликвидации колониистского статуса.

В такой ситуации поверенные "задунайских переселенцев" подали два прошения - на имя царя Александра II и в "Европейскую комиссию для устройства княжеств Молдавии и Валахии", в которых отстаивали свои права и просили оградить и защитить от навязываемого им непризванного режима. В числе просьб главными были соблюдение прежних социальных прав, особенного административно-правового устройства, дозволение посылать детей для обучения в

* Когэлничану Михаил (1817-1891), глава правительства Молдовы в 1860-1861 гг., Румынии в 1863-1865 гг. Участвовал в проведении аграрной и ряда других буржуазных реформ. В 1876-1878 гг. министр иностранных дел. Происходил из помещичьей семьи (впоследствии и мануфактурист). Все сознательную жизнь был одержим властолюбием. Попутно занимался историей и публицистикой. В нем уживались властолюбец, литератор и "знаток" истории Молдавии. Его действия были продуманными, а не случайными и дорого стоили "задунайским переселенцам". Поэтому авторы не разделяют восторгов румынской историографии и некоторых историков республики Молдова по поводу личности М.Когэлничану.

Если, скажем для некоторых М.Когэлничану "просветитель и революционер", то для его современников - гагаузов, болгар и других народов юга - это была фигура, способствовавшая бегству из "румынского рая" десятков тысяч людей со всеми вытекающими обстоятельствами для них.

России, осуществление богослужения на славянском языке, подчинение по церковной линии Киликийско-Хотинской епархии, начальник над колониями должен назначаться из их среды. На запрос царского правительства в этой связи Молдавское правительство лицемерно заверило в нерушимости прав колонистов, а само продолжало творить обратное.

Почему правители в Яссах, а потом в Бухаресте (тут преемственность) вели двойственную политику в отношении населения Подунавья, т.е. на словах обещали нерушимость прав, а на деле давили и даже вытесняли с отторгнутой территории? В известной мере, это объяснялось сложностью международной ситуации и местом в ней Дунайских княжеств. Они стремились вырваться из Турецкой империи, но согласно Парижскому миру 1856 года оставались под властью Порты и под контролем Европейской союзной комиссии, в которой главенствовали Англия и Франция.

Княжества пошли по пути слияния. Но в этом процессе они постоянно оглядывались на Турцию и Европейскую комиссию, которые могли в любое время вмешаться в их внутренние дела. Чтобы заручиться лояльностью великих держав, в "Бессарабском участке" должно было быть спокойно. Отсюда россыпь обещаний и заверений. Но правители, стоявшие во главе политических сил Объединенных княжеств, были ярыми националистами и действовали по схеме "мы-коренные, нас большинство, должна восторжествовать идея румынизации; все кто мешает реализации этой схемы, должны быть подавлены." Начали они с "задунайских переселенцев", позже переключились на украинцев, венгров, русских, немцев.

Загнанные, пассивно повинующиеся "подданные" - вот кто был им нужен. Но столкнулись с непокорившимися, несломленными и сохранившими человеческое достоинство людьми, хотя и страдальца-

ми.

Навязывать во что бы то ни стало свои порядки, в кратчайший срок подавить сопротивлявшихся (а их десятки тысяч) — вот главная стратегическая линия главы правительства М. Когэлничану и правящей элиты. Эта линия преднамеренной дискриминации выдерживалась последовательно и жестко.

"Задунайские переселенцы" и румынские власти имели принципиально разные точки зрения в вопросе о социально-правовом положении населения Подунавья.

В чем причина, что молдавские (потом румынские) власти прежде всего сосредоточили давление на "задунайских переселенцев"? Потому что это были наиболее стойкие противники латинизации, военизации, усилившейся эксплуатации и произвола. Надо вспомнить, что они давно уже избавились от турецких порядков, бескомпромиссной борьбой с бессарабскими боярами и царскими чиновниками добились известного самоопределения в качестве особой категории крестьян, добились устойчивого социально-правового положения. Но они снова были звергнуты в драматические события в связи с результатами Крымской войны и вероломством новых господ, но не уступили. Нельзя скрыть и социальную, национальную сторону этих событий. Не удалось румынским правящим кругам уничтожить личность колониста, его национальные чувства. И снова гагаузы и болгары заручились поддержкой России, с которой не прекращались контакты и после 1856 года.

До поры до времени колонисты держались в удручающих событиях главным образом благодаря терпению и выстраданному историческому опыту жизни во враждебном окружении.

Первоначально основная масса колонистов медлила с уходом в Россию не под влиянием символических обещаний правящих кру-

гов княжества. Надо иметь в виду, что совсем недавно отгремела война, потрясшая экономику юга Бессарабской области, непосредственно примыкавшего к театру боевых действий, а само очевидное далекое перемещение, с неминуемой потерей недвижимого имущества, могло в короткий срок обратить большинство беженцев в малоимущих.

Затем, поскольку частичное возвращение колонистов в Россию становилось фактом, Молдавское правительство решило обобщать такие семьи: ввело в 1858 году высокие пошленные поборы, которые были не по карману многим и позволяло проводить с собой через границу бесплатно лишь пару волов (или лошадей) и корову, что в условиях Буджака равносильно было неотвратимому обнищанию.

Одновременно молдавские власти стали преследовать таких колонистов: арестовывали, обращались с ними как с возмутителями ^(спокойствия) ~~спокойствия~~, через особых агентов склоняли к переселению в Турцию. Особенно в этих "целях" усердствовал Ионеску — ставленник правительства (управляя Болградским округом).

Русский дипломат Романенко доносил министру иностранных дел из Измаила в мае 1858 года: "Противозаконные действия и самоуправие молдавских властей, обнаружившиеся в начале передачи сего края, коснулись и болгарского народонаселения", возглавивший колонистское управление Ионеску "стремится быстрыми и решительными мерами потрясти благосостояние колонистов в самом основании".

По настоянию русского консула в Молдавии правительство последней согласилось пересмотреть отношение к колонистам. В Яссы явилось представительство болгарских депутатов с ходатайством от имени всех поселенцев о смене Ионеску, подтверждении прав и

преимуществ, которыми они пользовались до 1856 года, об избрании по их усмотрению нового управляющего и назначении в его ведомство представителя колонистов (для защиты их интересов), открытии в Болграде среднего учебного заведения. Кое в чем правительство согласилось.

В обстановке растущей тревоги и страха помощь ожидалась со стороны России; среди колонистов распространилась молва о вводе в Подунавье русских войск по истечении трех лет. Недоверие к местному правительству усилилось, когда оно выказало явное стремление завладеть против воли колонистов их общественными капиталами, хранящимися в Одесском коммерческом банке.

Сложилась атмосфера несовместимости позиций "власть имущих" и подавляемых. На одной стороне сконцентрировались силы, орудовавшие как завоеватели, с применением силы, а на другой — солидарные в общей борьбе неопытные в политических делах массы, ошеломленные вероломством новых хозяев и стремившиеся вырваться из социального, политического и духовного тупика, в котором они оказались.

и и
и

Противоборство колонистов с господствовавшей прослойкой Объединенных княжеств достигло своего апогея в 1860—1861 гг. В правящих кругах, разьедаемых противоречиями изнутри, не было монолитного единства. А. Куза^и глава государства (Объединенные

^и Куза Александру (1820—1873), князь Румынского княжества в 1862—1866 гг. С 1859 г. Господарь княжества Молдовы и Валахии. Провел ряд буржуазных реформ. Свергнут с престола в 1866 г. реакционным блоком румынских помещиков и крупной буржуазии, пригласивших на престол прусского принца Карла Рогенцоллерна (Кароль I).

княжества) с определенным окружением стремился вернуть доверие к властям населения Подунавья путем уступок, а глава правительства М.Когэлничану, тоже опиравшийся на своих сторонников, проявлял "твердость", не считался с жизненно важными интересами колонистов, не выказывал никакой озабоченности к их бедственному положению. Под руководством последнего осуществлялось наступление на права колонистов по всем направлениям. Начавшееся весной 1860 года брожение в колониях неостаточно углубляло конфликт. Тогда к ним заявился премьер. При объезде селений, а затем в Болграде перед собранными представителями их он обрисовал свою программу действий: введение в Подунавье рекрутской повинности, преподавание в учебных заведениях^х на румынском языке, ужесточение финансового давления (новые налоги, передача общинных доходов для финансирования местного управления и школ); пресечение ухода колонистов в Россию. Несколько позже он снова потребовал передачи бухарестской кассе части страхового фонда, хранившегося в одном из одесских банков. Наконец, осенью того года добился упразднения колонистского статуса и передачи их земель в распоряжение правительства. Однако колонисты выступили непреклонно против этой программы удушения.

Тогда М.Когэлничану пошел на санкционирование кровавой расправы, хотя представители колоний, посланные к нему в Бухарест, пытались договориться о мирном погашении конфликта. Разумеется, переговоры не привели и не могли привести к желаемым результатам. Правительство уже приняло жесткие меры по насыщению колоний войсками, фактическому введению осадного положения. Были стянуты большие силы, а 7 ноября 1860 г. в Болграде напали на толпу безоружных представителей колоний, пытавшихся в переговорах с властями отстаивать свои права. Командовал карателя-

ми полковник Тинку. Более ста человек получили ранения и свыше десяти убито. Кровавый шаш длился четыре дня и не только в Голграде. Раненые претались, таились, на них учинили настоящую охоту. Все опасались повторного нападения. Солдаты и разнузданные чиновники врвались в жилища, действуя озлобленно, для них не существовало запрета. Смятение жителей в ряде мест переросло в панику. Так, правители демонстрировали силу.

События ноября 1860 г. показали, что власти пошли на физическое истребление части сопротивляющихся, проявляя социальную и национальную ярость. Так они отреагировали на жизненные интересы крестьян, фактически избавляли себя от забот о дальнейшей судьбе колонистов. А чем все это обернулось для гонимых хорошо известно.

У колонистов не было своих организаций, программы, военной силы, они не ожидали расстрела, не готовились к отпору. Пролитая кровь, глумление звали к отщепеню, но крестьянам нечего было противопоставить войскам. Этой трагедией Румыния заявила о себе как формирующееся государство. С 7 ноября 1860 года начался отсчет времени изгнания с обжитой территории десятков тысяч крестьян. Стало ясно, что для выживания остается путь немедленного выхода из зоны перекрестного огня. Колонисты протестовали в ненасильственной форме.

Злодеяния, конечно, вскоре стали известны мировой прессе. Они были названы "румынскими доблестями" и навсегда остались мрачной страницей истории Румынии, которая, к сожалению, замалчивается.

Ну, а как обошлись с исполнителями этих акций в самой Румынии? Ответчиков по-началу не оказалось, только Тинку "переместили по должности". Да и кто мог достойно наказать организа-

торов и исполнителей разбойного нападения, если сам глава правительства М.Котомничану стоял у истоков травли колонистов, последовательно подогревал и усугублял ее своими заявлениями и распоряжениями. Он мог бы положить конец гонениям, но такой цели премьер не ставил. Он показал в конфликте с "задунайскими переселенцами", чего стоили этим людям его "либерализм". Все, что касалось надежд колонистов, он отвергал и глушил, как бы не замечал тяжелого тупикового положения гагаузов и болгар, в которое они были ввергнуты.

События 1880 года и порожденное ими недовольство в какой-то мере способствовали падению правительства М.Котомничану в апреле 1881 года. Вслед за этим А.Кува вынужден был принять меры к наказанию виновников болгарских событий и составил комиссию для их расследования, выезжая в констину, заверяя крестьян в восстановлении их прав. Болгарская прогрессивная печать того времени требовала суда над М.Котомничану. Кстати сказать, позже будучи министром иностранных дел Румынского королевства, М.Котомничану про выступал в 1878 году против возвращения Подунавья в состав России.

x x
x

По Парижскому миру 1856 года разрешалось переселение из Подунавья в другие места на свой счет в течение трех лет, т.е. по 1 марта 1859 года. Это было подтверждено Россией: царским указом 8 мая 1857 года позволялся переход жаламших на территорию Бессарабской области, Херсонской и Екатеринославской губерний, а в 1860 году районом отселения определена и Таврическая губерния, включавшая в себя Крымский полуостров, Приазовье

(на материке) и часть нижнего Поднепровья. Но "задунайские переселенцы" (гагаузы, болгары, молдаване, украинцы, албанцы и др.) отпугиваемые обнадеживающими заверениями молдавского правительства и по существу введенные в заблуждение, почти пропустили этот срок и одумались поздновато, когда для избавления от давящего режима, своего рода резервации "Бессарабского участка", надо было буквально прорываться.

Привыкшие к невзгодам, полагавшиеся много раз прежде всего на собственные средства и выносливость, они не боялись трудностей, лишь бы избавиться от гнетущей обстановки, созданной пришлыми расторопными чиновниками, иерархическим духовенством, националистически настроенной интеллигенцией и различными функционерами.

Метущиеся, ошальзованные крестьяне, следуя без паспортов, обходили пограничные заслоны, спешили на украинские просторы, где им предстояло снова и снова тяжким трудом воссоздавать бесхитростную крестьянскую жизнь, подниматься на ноги.

Почему же бухарестское правительство рядом экстренных мер пыталось закрыть им дорогу в Россию, усложняя процедуру пропуска через границу, не останавливаясь перед репрессивными средствами? Это не заботило нетерпимое для беженцев положение. Цели были другие: во-первых, выглядеть сильным правительством сильного нарождающегося государства, на виду великих держав (а тишина и покой — свидетельство такой силы), во-вторых, "похвально" обождать на месте тех, кто явно стремился к бегству (налоги за три года вперед, дорогие паспорта, конфискация имущества, продажа бесхозных домов, скота, многолетних насаждений, присвоение наделной земли и пр.).

От колонистов потрессовали передачи румынской казне накоп-

ленных десятилетиями общинами страхового фонда (на случай неурожаев, скотских падежей, поражения саранчой), фонда для поддержания школьного дела, фонда финансирования гидро-мелиоративных работ и пр. Этих денег в одесских банках числилось более 230 тыс. рублей.

В атмосфере гонений и давления плутоватая и цепкая администрация изрядно нажималась, но не успевала за событиями, и крестьянам иногда удавалось перегнать через границу скот — основное богатство. Все явственнее проступала политика гонения, не исключавшая нового погрома в колониях — они со всех сторон были блокированы. Но крестьяне неудержимо стремились покинуть режимную территорию.

Вспышки неповиновения, массовое отрицание навязываемых порядков приближали развалку. Крестьяне не хотели оставаться обреченными на повседневное неуважительное отношение и унижения, жизнь в напряженном ожидании административных насилий, с постоянной оглядкой на Бухарест. Преодолевая растерянность, они уже не хотели пропустить шанс избавления.

Кто мог в этой тревожной обстановке защитить гонимых: Турция, Франция, Англия, Австро-Венгрия? Им было не до того, их раздирали противоречия. Одна, побежденная в Крымской войне Россия, переживавшая поражение и потрясаемая революционной ситуацией, снова, как и прежде в дни невзгод, протянула руку помощи, спасла десятки тысяч беженцев от очередной расправы, нашла средства и силы, чтобы устроить их на новых местах с прежними правами. В водоворот событий были втянуты десятки тысяч жителей Подунавья. По существу на лицо была нерегулируемая правительственная миграция. Для подавляющего большинства их, родившихся в Бессарабии, покидаемые земли были родиной.

Льготы и помощь переселенцам были определены в решении Государственного совета России (апрель 1859 г.) и сводились к следующему: восстановление прав колонистов, прежний размер земельного надела (50 десятин на семью), освобождение от рекрутской повинности, 6-летняя льгота от воинского постоя, 3-летняя льгота от налогов, безвозвратная помощь при приобретении сельскохозяйственного инвентаря, пособие для путевых расходов и др.

Козни правительства М.Когэлничану не прекратились, но А.Куза в августе 1861 г. вынужден был восстановить права колонистов, а Законодательное собрание подтвердило их. Однако колонисты не поверили высшим властям, восприняли это как отвлекающий маневр и продолжали ускоренно покидать Подунавье. "Исход" приобрел характер лавинообразного порыва, дороги были заполнены беженцами. Да и на деле, как показало будущее, А.Куза и его сторонники пошли лишь на временное послабление режима, находились на сходных с М.Когэлничану позициях. Осенью того же года в колонии были посланы дополнительные войска. Начались аресты "зачинщиков", солдаты чинили издевательства. В этой ситуации сторонники М.Когэлничану с прежним упрямством продолжали настаивать на лишении колонистов их прав.

Реальная угроза повторения кровавых дел ноября 1860 г. выразилась в сосредоточении весной 1861 г. войск в Болграде.

Все бесчинства румынских властей становятся известными в Петербурге. Общественность России гневно обличала "румынские доблести" и поддерживала переселенцев-беженцев из опасного очага произвола и востоя. Министерство иностранных дел

помнило запрутским правителям, что никто не вправе препятствовать колонистам в выезде на новое место заселения. В ответ они стали концентрировать войска на русско-молдавской границе. Однако такой демонстрацией запугать Россию не могли и уступили — в июле согласились на выход колонистов в районы Украины, но паспортов не давали.

В конечном счете созданный румынскими властями безисходность положения колонистов и насаждаемый в Подунавье всенародно-политический режим обострили отношения с Россией, возник "бессарабский вопрос", разрешенный лишь в 1878 г.

Насколько глубоко были потрясены "задунайские переселенцы" можно судит по следующим данным: из 49 тыс. колонистов, оказавшихся в Подунавье (за новым рубежом) 30 тыс. покинули его, так что осью событий, непримиримого противостояния являлся массовый "исход" колонистов. Полностью покинули свои селения колонисты Новопокровки, Тропюкло, Новокарагача, в других осталось лишь незначительное число.

Из этого числа 27 тыс. человек осели в пределах Таурической губернии (в Мелитопольском, Днепровском, Бердянском и Феодосийском уездах). Основано было 46 селений, объединенных в Бердянско-Болградский и Мелитопольский округа.

Из отторгнутого участка перешли и поселились в Бессарабской области около 200 семей греческих, сербских и болгарских волонтеров, военнопленных и перебежчиков из турецкой армии.

В приграничной полосе выходив Бессарабской области основали в 1861 г. три колонии: Кальчево-31, Капранклии-33, и Болгарийку (Болгарию) — 48 семей. Здесь решающую роль сыграли жители г.Болграда. Всего осело в Бессарабской области более 1 тыс. человек. Но область до 1863 г. играла главным образом роль вре-

менного пристанища, переехала на нелегком пути беженцев. Переселенцы останавливались здесь на некоторое время как постоянцы по пути следования в Таврическую губернию. К примеру, в 1862 г. тут перезимовали 2500 семей, вышедших из 30 колоний.

Хотя болгары некоторое время занимали выжидательную позицию, вследствие наивной веры в достижение на месте стабилизации, весной 1861 г. тоже включились в волнение и "общее недовольство к Молдавскому правительству". Настало время окончательного решения вопроса об уходе в пределы России из-за непримиримого противоречия: 326 семей земледельцев, торговцев и ремесленников изъявили желание переселиться в Таврическую губернию или основать новое селение в пределах оставшихся в Бессарабской области земель. Их колебания были связаны с имущественным положением — купцы, мелкие торговцы и ремесленная прослойка боялись лишиться богатств. В апреле 1861 г. 300 семей получили от имени царя право поселиться в пределах России. Им полагалась денежная помощь в размере 125 руб. на семью. В Одессу для переговоров о порядке переселения выезжали делегации во главе с купцом Узуновым. Другая депутация в составе 68 человек в том же 1861 г. приезжала туда же к генерал-губернатору как полномочному представителю петербургского двора и просила разрешения на выход в Россию 6770 семей. Получили согласие на осмотр мест поселения и ездили в Приднепровье в качестве поверенных.

Шли и группами односельчане и в перемежку с выходцами из других колоний. Затем формировались большие партии по 500—800 человек. Любской поток нарастал. По донесениям карантинных начальников только в 1861 г. перешли в Россию с паспорта-

ми 10630 и без паспортов 11770, а всего 22400 человек.

При формировании новых селений придерживались принципа прежней, изначальной общинности, и сами названия этих колоний дублировали старожильские.

Некоторая часть беженцев ушла в Подольскую губернию, где была причислена к селениям государственных крестьян.

Уход был вынужденно-спешным и колонисты, будучи прилежными тружениками уже не дорожили имуществом, уходили "на-легке", терпя большой материальный ущерб. Воли хозяйства с определенным достатком оказались на грани бедности, то что же можно сказать о тех, которые располагали скромными доходами. Они были лишены простых жизненных условий, многие семьи начисто разорились, фактически бедствовали. В этих обстоятельствах нужны были необыкновенная выдержка и здравое рассуждение. У крестьян эти качества вырабатывались суровыми жизненными испытаниями.

Конечно, колонисты не были единственными гонимыми, кто оказался в этом очаге противоречий и конфликтов. По существу силловому нажиму подверглись все, кто не мирился с бесправным положением, кто снова нашел приют за пределами этого "участка". Бескали русские, украинцы, албанцы, часть молдаван. Последние (выходцы из Кагульского уезда) основали селения Урсоя и Грезой — между Бендерами и Каушанами. Ушли купцы из Измаила, торговцы и ремесленники из Болграда (основали колонию Болгарийку).

Амбигии распирали "держателей" Подунавья. Они как бы не замечали пестрой этнической карты юга Вессарабской области, инили себя гегемонами, а в отношении к другим относились пренебрежительно.

Остановилась ли массовая миграция жителей отграниченной

части Бессарабии? Да, остановилась. Отчасти это произошло из-за уступок молдавских (румынских) властей, вырванных долгой борьбой колонистов, а также вследствие решения царского правительства в январе 1863 г. о прекращении дальнейшего приема масс заграничных выходцев. Но отдельные семьи и небольшие группы их уходили и подселялись в колонии на территории Таврической губернии и после этого решения.

Когда в 1878 г. Подунавье было снова включено в границы России, позволялось бывшим колонистам вернуться, но обратная дорога была заказана — их земли и дома давно оказались присвоенными.* Опять гагаузы, болгары и другие остались с несбывшимися надеждами.

и и

ж

Интеллигенты из колонистской среды старались привлечь внимание правительства и общественности к событиям Подунавья не только России, но и Англии, Франции и Австро-Венгрии. Им был составлен очерк, названный в официальной переписке "Брошурой" о положении населения "Бессарабского участка". В ней подробно зафиксированы перенесенные колонистами лишения и притеснения от носителей новых порядков и обосновывалась необходимость перехода к автономии (образования особой области) со столицей в Болграде — под суверенитетом турецкого султана и на ус-

* По Берлинскому миру 1878 г. в возвращенном Россией "Бессарабском участке" числилось: 4 города, 2 посада, 176 других поселений, в которых проживали 138160 человек, с земельным фондом удобной земли в 425253 дес. — ЦГА МССР, ф.134, оп.1, д.343, л.11, 124.

ловиях, аналогичных с Молдавским княжеством. Выделенная для этой цели делегация выехала через Одессу в Константинополь. Одновременно она ходатайствовала перед послами великих держав письменно и устно о санкционировании их политического проекта. В Одессе и Константинополе состоялись встречи отдельно с каждым и затем на общем собрании. Не дожидаясь ответов правительств, решено было группу доверенных лиц с теми же задачами послать к Наполеону III в Париж.

В этот исторический момент надо было обладать смелостью и гражданским мужеством, чтобы решиться на поездку в Константинополь и Париж. Такие люди нашлись. Как участники и свидетели событий они отстаивали права гонимых, доносили туда правду о беде, нагрянувшей в Подунавье, добивались согласия правительств на провозглашение его автономии. Но ходатайства делегаций не нашли понимания в Турции и у других держав. Их голос остался неуслышанным европейскими кабинетами.

Как и следовало ожидать, правительство "Объединенных княжеств во главе с М.Когэлничану приняло разные меры, чтобы не допустить встречи их в Париже. "Брошюру" мзъяли, чтобы никто о ней не узнал. Всех колонистов подозревали в заговоре, а их стремление к избавлению рассматривали как акцию злоумышленников. В столицу Франции добрался лишь один делегат. Наполеон III не принял его (по внешнеполитическим мотивам). Встреча состоялась лишь с министром иностранных дел. В продолжительной беседе делегат отстаивал идею о провозглашении республики во главе с князем Н.К.Богораде, болгарин по происхождению.

Идея национально-государственного самоопределения пер-

воначально возникла как реакция на массированный натиск ю-сских и бухарестских националистов в лице центральных аппаратов. В своем дальнейшем развитии она оформилась в перспективную цель борьбы.

В национально-освободительном движении "задунайских переселенцев" конца 50-начала 60-х гг. XIX в. сочеталось несколько направлений: борьба за правовой "статус-кво", сопротивление насильственной румынизации, сохранение этнической самостоятельности в сочетании с политической независимостью, обособление территории и населения, создание на начальном этапе автономной области в пределах турецкой империи, а в конечном результате - республики.

Идея национально-государственного обособления зародилась в Болграде, т.е. в самой развитой в социально-экономическом, политическом и культурном отношении колонии. Здесь к 60-м гг. сформировался довольно значительный слой торгово-ремесленной и аграрной буржуазии и своей интеллигенции, возглавлявших начавшийся многотрудный процесс становления национального самоутверждения.

Само стремление к образованию независимого государства в Подунавье свидетельствовало о росте национального самосознания в среде "задунайских переселенцев", о наличии сложившихся к началу 60-х гг. XIX в. реальных социально-экономических и политических предпосылок для этого исторического шага. Национально-государственное формирование тогда мыслилось в двух вариантах: либо как государственная автономия в рамках Турецкой империи, но не в составе Молдавского княжества, либо в качестве республики с отделением от Турецкой империи.

Это было сопряжено с риском, лишениями и более того — опасностью для жизни, но люди вынуждены были становиться на такой путь.

Хотя тогда не удалось добиться конкретных результатов в деле обособления Подунавья от Молдавского княжества, из-за безучастности великих держав, сам факт постановки такой исторической проблемы имел существенное, перспективное значение как тенденции, реализованной за Дунаем и затем, спустя два десятилетия, ставшей свершившимся событием в 1906 г. (провозглашение "Комратской республики"). Движение за государственность объективно отражала интересы большинства "задунайских переселенцев".

А что стало с теми, кто не успел сняться с прежних мест, остался в Румынии? Они вынуждены были как-то сживаться с навязанными порядками.

Особых надежд на разумное отношение к себе со стороны бухарестских властей они не питали; жили в забытых селениях и надеялись на избавление. Рядом в опустевших колонистских домах устроились выходцы из-за Прута — их насаждали власти, различные ведомства в качестве противовеса колонистам.

У оставшихся не было никаких гарантий устойчивой жизни в будущем. Опасной становилась неопределенность этого будущего, которое трудно было крестьянам осмыслить; не менее трудно становилось ориентироваться в сложной обстановке. Все меньше они надеялись на возможность добиться уступок от корыстных правителей.

После волнений и массового бегства колонистов, притихшее на некоторое время наступление на их права со стороны центральных властей, снова возобновилось. Эта ситуация показала ос-

тавшимся крестьянам, что улаживать конфликт путем уступок власти не будут, наоборот они будут добиваться покорности крестьян перед насилием. Подспудно и открыто усложнились межэтнические отношения, социальные, религиозные и другие противоречия. Под прикрытием целенаправленной социальной демагогии, обещаний все известнее проступал националистический эгоизм, четче обозначалась режимность на территории "Бессарабского участка". Конкретные шаги по сужению бывших льгот касались воинской повинности (в несколько деформированном виде ее все-таки ввели), торговой деятельности (были ограничены коммерческие возможности колонистов), административной системы (колонистская структура учреждений самоуправления была заменена "коммунальной"), судов и юриспруденции (внедрялись румынские учреждения и порядки). Утратили колонисты и некоторые другие специфические права.

Практически правящая элита во главе с М.Когэлничану форсировала законодательную деятельность, направленную на иволяцию упорствующих "задунайских переселенцев" и ускорение процесса упразднения колонистских прав. Однако в 1863 г. правительство М.Когэлничану и сам он был смещен с вершины власти. Полярное противоречие последних и новоиспеченных "господ" не угасало все 22 года владения "Бессарабским участком".

Социально-правовое и экономическое положение населения Подунавья осложнилось всей совокупностью политики правящих кругов Румынии, стремившихся к ускоренному внедрению в жизнь универсализма, приспособления всего общественно-политического уклада Румынии к французской системе, к чему страна не была готова, не имея соответствующих глубоких корней.

Очень метко эту деятельность определил высокопоставленный

русский дипломат, аккредитованный в Румынии. В своем обзоре реформаторской деятельности румынских властей он сообщал следующее. "Преобразования кабинета А. Кузы коснулись многих "отраслей государственного управления". Но люди, заправляющие делами княжеств, вкравшиеся несообразности не беспокоит, они не заботятся о сущности и прочности вводимых преобразований, но довольствуются одной поверхностью. Будущее для них как бы не существует, для них ваши преобразования не столько в видах государственной пользы, как для того, чтобы показать перед лицом Европы, что княжества, следуя на пути прогресса и цивилизации, сделали в короткое время быстрые успехи. В таком убеждении ломают все старое и копируют отжившие французские законы, против которых теперь сама Франция кричит и требует в своем законодательстве новых радикальных реформ, и эти-то законы они вводят у себя, нисколько не заботясь о их применении".¹ Такая политика изматывала крестьян.

Власти понимали, что прочного господства тут не может быть, так как Россия стремилась разрешать "бессарабский вопрос", т.е. возвратить отторгнутую землю и восстановить прежние позиции на Дунае. Поэтому они брали на ходу все, что попадало под руки.

С достаточной полнотой это охарактеризовано в корреспонденции из Измаила (опубликована в "Бессарабском вестнике"):
 "Румыны не могли не чувствовать, что господство их в крае кратковременно, посему и спешили косить и жать, не заботясь о корме", они "не позаботились о развитии в крае просвещения, общественного сознания, общественного мнения, не строили дорог, хотя и ввели шоссейный сбор". Одним словом, творили неприкрытое расхищение богатств, не заглядывая далеко вперед.

Последствия отторжения Подунавья сказались скоро. По существу между 1858 и 1878 гг. в богатейшем регионе по природным условиям, с предшествующим высоким уровнем развития сельскохозяйственного производства, промыслов, транспорта и торговли произошел развал в экономике. Соляные промыслы в приморской зоне были загублены, рыбные ловли захирели, дунайские порты заглохли, знаменитый намаильский район виноградарства деградировал (к 1878 г. даже не достигал по объему выработки вина уровня начала 50-х гг.), хлебодородные земли пустовали. Значительно подорванными оказались и другие отрасли сельского хозяйства, в частности, была расстроена транспортная система.

По реформе 1874 г. крестьян (в том числе и колонистов) "освободили" на тяжелых условиях, а точнее сказать их лишили части наделного фонда и заставили платить выкуп за земли, которые Румынии никогда не принадлежали.

Численность населения в Подунавье еле-еле росла, а в отторгнутых гагаузских колониях она так и не восстановилась.

Вот сравнительные данные (количество душ обоего пола) за 1852 год и 1870 год.²

С е л а	1852 г.	1870 г.
Болбока	330	665
Вулканешты	2234	1340
Етулия	774	505
Конгаз	1364	1314
Курчи	993	665
Табак	1210	765
Чешинкской	1510	1020

На пределе забитости оказались сами крестьяне. К многим бедам прибавилось нарушение ранее целостного водворения колонистов, в том числе и гагаузов — их раздробили на три очага (один в Бессарабской области, другой в Подунавье и третий в Таврической губернии). Разделенные, но единые они оказались в напряженной социально-этнической ситуации, что естественно оставило глубокий след в исторической памяти гагаузов. Восстановить существенное нарушение связей удалось в 1878 г., но лишь в пределах Буджака; колонии же на территории Таврии так и остались отделенными (судьба этих и других переселенцев их потомков требует пристального внимания историков).

Не менее плачевным последствием отторжения Подунавья явилось формирование и консолидация здесь корпуса румынского чиновничества со всеми атрибутами власти. Буквально некуда было скрыться от честолюбивых ставленников Бухареста. Кроме взяток и вымогательства, они еще требовали большого почета и восторженных отзывов о их деятельности, всякий раз подчеркивая свое показное превосходство.

К социально-экономическим, политическим и культурным потерям добавились моральные — нанесен удар по дружелюбию простых людей, формировалась атмосфера этнической отчужденности.

В 1862 г. стали насаждать латиницу в приказном порядке: в марте этого года правительство М.Котляницкому распорядилось о введении "во всеобщее употребление" латинского алфавита. Так началось навязывание румынизации и латинизации и на территории "Бессарабского участка" с его этнической пестротой. По сведениям новых властей за 1869 г. (материалы переписи), на территории "участка" числилось молдаван около 31%, славян 53%, гагаузов, албанцев, греков и других 10%. Возникает вопрос: каки-

РЕФОРМЫ 70-х ГОДОВ

Глубокий след в жизни колонистов оставили реформы первой половины 70-х гг. как на территории Бессарабской области, так и Подунавье, оказавшемся в границах Румынии.

По "Правилам об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях" от 4 июня 1871 г. в Бессарабии реформе подлежали 5036 семей в 45 селениях с земельным фондом в 296 тыс. десятин. Колонисты переводились в разряд крестьян-собственников, а в административном отношении переходили в ведение губернских и уездных "по крестьянским делам присутствий" (учреждений). Сохранилось общинное землеустройство, т.е. земельные угодья не давались в собственность отдельных дворо-хозяев. За общинами оставались все предоставленные им ранее в надел и состоящие к 1871 г. в их постоянном пользовании земельные угодья. Если же в дачах числилась излишняя земля против установленной посемейной нормы надела, общины обязывались в течение 10 лет (со дня утверждения "Правил" 1871 г.) принять на подселение семьи из малоземельных колоний и соответственно обеспечить равным количеством земли, как у старожилов колонистов.

Общинам должны были выданы в течение трех лет документы ("закладные записи") на отмежеванные им земли, с указанием размеров выплат на полученные угодья ("оброчной подати"). По всем селениям размеры посемейных наделов колебались от 20 до 30 десятин. А это значило, что от прежнего (первоначального) 50-десятинного надела к началу 70-х гг. осталось в среднем половина. В этом было заложено существенное противоречие в самом будущем землепользовании: при неуклонном возрастании удельного веса пахотного клина в используемых массивах земель и в то же вре-

ия прогрессирующем сокращении размера надела суживались возможности расширения посевных площадей за счет освоения новых угодий. Надо было менять систему земледелия (преобладала переделочная система), но при известной рутинности в землепользовании это тормозилось. Нарастало тупиковое положение.

По "Правилам" 1871 г. дозволялся выдел подворных участков из общинного клина при согласии на это двух третей членов общины, имеющих право голоса на сходе. Однако в случае принятия сходом соответствующего приговора требовалось еще засвидетельствование его мировым посредником и утверждение губернского по поселянским делам присутствия. Владение землей было ограничено еще следующим пояснением: домохозяин в течение трех лет со времени получения владений записи не имел право отчуждать надел посторонним, а лишь своим сообщникам. На покупателя должна переходить обязанность уплаты за участок причитающейся "государственной оброчной подати", т.е. выкупного платежа.

Размер последней был невелик и колебался в зависимости от величины и качества условного размера подворного надела. В Бендерском уезде, где преимущественно проживали гагаузы он составлял 40 коп. за десятину, а в соседнем Аккерманском уезде соответственно 36, 43 и 52 коп. Эту сумму крестьянский двор должен был вносить ежегодно в течение 20 лет. Но можно было выкупить надел сразу (частями или в целом), либо каждым дворохозяином, либо всей общиной — тогда единовременный взнос составлял 8 руб. за десятину. Этим актом государство шло навстречу интересам зажиточного слоя крестьян. Хозяйства со скромным достатком не располагали нужными накоплениями денег, чтобы сразу же стать полноправными владельцами наделов. Перед "состоятельными" дворами

открывался путь концентрации наделных участков в своих руках.

Реформа 1871 г. оговаривала некоторые привилегии и права за бывшими колонистами: они на 10 лет освобождались от постоянной повинности, предоставлялось право одновременно пребывать в двух "состояниях" – крестьян-собственников и горожан, с сохранением прав и преимуществ по обоим "состояниям" (но с уплатой налогов тут и там), очень жизненно-важная привилегия была сохранена колонистами – освобождение от рекрутской повинности, но с оговоркой: "впредь до издания общего закона о воинской повинности". Это законоположение очень насторожило их, вселило тревогу. Наконец, всем недовольным реформой предоставлялось право в течение 10 лет выйти из российского подданства и выезжать за границу со всем имуществом и капиталом. Эта статья "Правил" 1871 г. не была случайной. Правительство предвидело возможное недовольство колонистов реформой. Они теряли свои бывшие права и льготы, статус колонистов, рушилась их обособленность административно-судебного характера. Что касается последнего, то их специфические учреждения окружные приказы, попечительство о бессарабских болгарских колониях и своеобразное сельское управление были в ходе реализации реформы упразднены. В низовом звене главными административно-территориальными единицами становилось сельское общество и волость (сменяемая по составу селений), в уездном и областном ступенях власти их подчинили учреждениям, ведомствам, присутствиям и т.п.

Как известно, колонисты стойко боролись за свои права и оберегали их от опасностей потери – откуда бы эти опасности не исходили. Собственно весь период существования этого разряда заполнен тревогами за свою судьбу и борьбой – с начала XIX

века до середины 70-х гг. (да и в дальнейшем). Так было в Бессарабской области, в Подунавье и Таврической губернии (куда вынудили их спешно переселиться румынские власти в начале 60-х гг.).

С реформой 1871 г., упразднившей "попечительство", заметно упростились многообразные связи между селениями и отдельными хозяйствами в пределах Бессарабской области.

Подвергалась изменению существовавшая до того административно-управленческая система. Колонистские округа преобразованы в волости (на общих основаниях). Так возникли Чадырлунгская и Комратская волости. Если же колонии ранее были расположены в разных уездах, там формировались особые волости, которые и впредь могли сохранять между собой связи по хозяйственным делам. Разрешалось образовывать обособленные волости из одного селения, если в них числилось 300 и более ревизских душ (то-есть мужчин) и если они очень отдалены от других колоний. Крестьяне болезненно перенесли искусственно созданную отчужденность от своих собратьев в Подунавье и далекой от них Таврии. В этой беспокойной ситуации они высказали отрицательное отношение введению воинской повинности, так что льгота, зафиксированная в "Правилах" 1871 г., оказалась номинальной. При этом социальные требования переплетались с национальными. Особенно заметно проявилось размежевание между зажиточной прослойкой и беднеющей частью крестьян. В этих событиях проявилось ярко выраженные контрасты в интересах этих слоев. Как свидетельствуют документы, наибольшую остроту события обнаружили в гагаузских селах Бендерского уезда. Центром их волнения стал Комрат.

В 1872-1874 гг. в России ^{была} проведена военная реформа. Изменения коснулись организации и подготовки вооруженных сил.

Территория страны была разделена на 10 военных округов. Большая часть уездов Бессарабии вошла в Одесский округ. В губерниях и уездах учреждались управления военных начальников.

Устанавливалась регулярная система подготовки резервов и принят новый закон о воинской повинности: вместо рекрутских наборов вводилась общая воинская повинность для мужчин, достигших двенадцатилетнего возраста. Срок службы определялся для сухопутных войск 6 и для флота 7 лет, за исключением для лиц с высшим образованием — они должны ^{были} проходить службу на положении добровольцев в течение 0,5-4 лет; от воинской повинности освобождалась часть иностранных поселенцев.

По новому закону набор в армию и флот должен определяться по 6 человек с 1 тыс. ревизских душ (при рекрутском наборе — 4 человека).

Хотя реформа в целом облегчала условия прохождения службы, но, как и раньше, не обеспечивался принцип всеобщности воинской повинности. Она являлась уделом лишь податных сословий и всей тяжестью ложилась на плечи трудящихся.

В.И. Ленин дал яркую характеристику последствий проведения военной реформы, подчеркивая отсутствие всеобщности несения службы. "В сущности, — писал он, — у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущности, у нас не было и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе. Наоборот, казарма насквозь пропитана духом самого возмутительного бесправия. Полная беззащитность солдата из крестьян или рабочих, попирающие человеческо-

го достоинства, вымогательство, битье, битье и битье. А для тех, у кого есть влиятельные связи и деньги, — льготы и изъятия".¹

Население Бессарабии, за малым исключением, не отбывало рекрутской повинности. Поэтому распространение реформы на область требовало от царских властей осмотрительности и осторожности. В самом ходе подготовки реформы царское правительство сочло необходимым включить в "Комиссию для составления нового Положения о личной воинской повинности в Империи и Царстве Польском" гласного бессарабского земства Кристи, который являлся как бы советником по "бессарабским делам".

Недовольство введением воинской повинности выразили крестьяне всех уездов, но наиболее остро оно проявилось на юге. Здесь открытые протесты имели место в болгаро-гагаузских селениях.

Волнения охватили Комрат, Джолтай, Бешалму, Бешгиов, Баурчи, Дезгинже, Кирсою, Чадыр-Лунгу, Томай, Башкалию, Кубей. Особенно беспокойным оказался 1873 г. Крестьяне не позволяли составлять списки, нападали на сельские правления, явочным порядком смещали старост, жгли документы. Руководил действиями особый штаб из 11 человек, а старшим среди них был житель Комрата Г.И.Койчо (он же Гучуля).

В сентябре 1872 г. в Бендеры, через которые проезжал Александр II, была послана большая депутация бывших колонистов из селений Бессарабской области и Таврической губернии, которая просила о нераспространении на эти селения военной реформы. Царь уговаривал их подчиниться, что оказало некоторое влияние на ход событий. Но волнения продолжались и в 1873 г.

Лишь опираясь на богатые слои, которые приняли реформы 1871 и 1872-1874 гг., и проведя экзекуцию, губернские власти осенью 1873 г. заглушили волнения (руководителей судили).

В селениях колонистов на территориях "Бессарабского участка" реформа проводилась по закону "О приведении в порядок государственных бессарабских имений, населенных колонистами и государственными поселениями" от 26 мая 1874 г. Действие закона начиналось с 1 января 1875 г.

Там числилось 39 колоний (8397 семей) с земельным фондом 204350 дес. Подавляющее большинство жителей этих селений составляли "задунайские переселенцы". С ними проживала также часть пришельцев, которые по прошествии двух лет пребывания в селениях и уплаты налогов приобретали права местного крестьянства и наделялись землей.

Согласно названному закону земля сохранялась за общинами с последующим размежеванием между семьями. Максимальный размер посессионного надела формально определялся по 50 дес. - по числу семей в день обнародования закона. Если оказывалось больше этой нормы, излишек отрезался в "собственность государства", при недостатке наличный земельный фонд селения распределялся поровну. В состав надела входили полевые земли, пастбища, сенокосы, усадьбы, сады, лес, "плантации разного рода", местные дороги, каменистые места, овраги, озера, болота, камышовые плавни, приозерные участки передавались общинам без выкупа. По 10 дес. получали посторонние, осевшие в селениях.

К главам семей причислялись также вдовы с детьми, не вступившие в брак, круглые сироты и те иногородние, которые женаты были на колонистках.

Из поземельных роллов (владенных записей) видно, что 50-десятинный земельный надел получили крестьяне лишь в Эскиполо-се. В большинстве же колоний он составлял 10 и чуть больше десятин. Закон предусматривал и такой вариант наделения угодиями: если в каком-то селении земли недостаточно, крестьяне могли переселиться в многоземельные казенные вотчины. Но фактически они этим воспользоваться не могли, так как румынские власти при нарезке наделов, "по недостатку людей" в ряде селений, часть угодий забирали в фонд "правительственных земель". А "недостаток" людей, как известно, был вызван бегством крестьян из Подунавья в начале 1860-х годов.

За надел полагался выкуп ("вознаграждение государству") по 74 франка за десятину (в пересчете на серебряные рубли - 91 коп.). Срок выкупа первоначально определен в 15, а затем продлен до 25 лет. Каждая община обязывалась в трехлетний срок размежевать землю на отдельные посемейные участки. Если хозяин надела выплачивал выкуп полностью, то освобождался от обязательств государству, мог выделить его из общего клина и распоряжаться как собственностью. Но в законе содержалась оговорка: общины не имели права размежевать отведенную им наделную землю на подворные участки ранее полного выкупа земли, а до того обязывались пользоваться ею сообща. Вот такая противоречивость была заложена в саму реформу.

Общины могли заирать в свое распоряжение наделы маломощных крестьянских семей как неисправных во вносе выкупных платежей.

После 1878 г. выкупные платежи по истечении срока (1-го января 1905 г.) крестьяне вносили в царскую казну. В эти платежи

включена и капитализированная дорожная повинность. И еще одна особенность реформы в Подунавье: вместе с наделом все разряды крестьян получили 10-летнюю льготу от воинской повинности.

С возвращением Подунавья в состав Бессарабии в губернские учреждения поступило много ходатайств: от бывших колонистов с возвращением земель, отрезанных румынским правительством в казенное ведомство под видом излишних, переселенцы из отторгнутого участка в Таврическую губернию или Добруджу просили разрешения вернуться в Бессарабию и поселения на прежних местах с наделением угодиями. Все получили отказ, так как реформа вошла в силу в 1875 г., а в запасе казны имелось лишь около 53 тыс. дес., в большинстве своем непашенной земли.

Что касается сельского административного устройства, то царские власти оставили его почти неизменным (введен в Румынии в 1864 г.), т.е. сохранились сельские комуны, примарии, коммунальные советы. Земских учреждений также не ввели и вся возвращенная придунайская полоса была наименована Измаильским уездом с внутренним делением его на три округа - Измаильский, Кагульский, Болградский, с уездными земскими советами и непременными комитетами, члены которых избирались коммунами на 4-летний срок. Округа делились на околии (станы).

Статья 8-я рассматриваемого закона разрешала крестьянам в течение откупного срока совершать земельные сделки (отчуждение, залог, дарение и пр.), но только внутри данной общины. Этим воспользовалась зажиточная верхушка села, и к началу XX века в Болградском и Кагульском округах она скупила у односельчан около 22 тыс. дес. наделных участков.

Вопросами наделения землей ведали специальные временные комиссии (из представителей уездных властей и Управления казен-

ными землями и сельских старшин). Никаких особых постоянных учреждений по крестьянским делам в Подунавье не существовало.

Осуществление реформы 1874 г. затянулось на многие годы. Отчасти оно было осложнено войной 1877-1878 гг. До начала 80-х годов большинство селений не получило актов о наделе. С колонистов и государственных крестьян румынские власти взыскивали специальный сбор на землеустройство, но самого мероприятия не проводили, так что у них на многие десятилетия сохранялся общинный порядок землепользования, т.е. пережитки феодализма не были предотвращены и оставались длительное время известным тормозом в развитии товаро-денежных процессов.*

Примечание:

* Материал о реформах написан на основе следующих источников: Г. Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.4, с.393; Свод законов Российской империи, Особое приложение к IX тому, издание 1876,г., раздел XV; Законы,изданные Румынским правительством в 1874, 1875 и 1878 гг. о наделе жителей Волградского земского района. Одесса, 1898, с.1-2; Записка по вопросу об устройстве воссоединенного края Бессарабии. Кишинев, 1891, с.2-60; ЦГА СССР, ф.1181, оп. I, д.716, 1870 г.; ф.1405, оп.71, д.1416, л.1-163; ф.381, оп. 16, д.8933, л.1-3; ф.396, оп.1, д.828, л.60-88; ЦГА МССР, ф.2, оп.1, д.8255, 8270.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Страницы
1. К читателю	3 - 4
2. Буджак как природно-географическая зона	5 - 16
3. Переселенческое движение и устройство колонистов	17 - 23
4. Землепользование. Сельская община	34 - 55
5. Имущественное и социальное расслоение ..	56 - 80
6. Крымская война. Отторжение Подунавья....	81 - 108
7. Реформы 70-х годов	109 - 118